

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**АПРЕЛЬ
2000**

**НИСАН
5760**

№ 4 (96)

55 ЛЕТ СПУСТЯ

В эти дни весь мир отмечает 55-летие со дня великой победы над фашизмом. Излишне напоминать, что для евреев в этой дате заложен особый смысл. Мы празднуем окончание самой страшной трагедии в истории нашего народа. Холокост поставил перед евреями очень много вопросов. Почему? Как такое могло произойти? Как Б-г допустил это? Уместно задаться и такими вопросами: Что мы должны сделать, чтобы подобное не повторилось? Как вести себя евреям после Холокоста?

В послевоенные годы евреи пытались найти ответы на эти вопросы. Можно назвать четыре основных решения, к которым они пришли. Вполне логичным представляется вывод о том, что евреев не любят и поэтому не стоит ими оставаться. Лучший способ избежать звериного антисемитизма – ассимилироваться. Другие, напротив, предпочли бы уединиться в еврейском государстве: коль скоро нас так не любят окружающие народы, будем жить среди своих соплеменников! Некоторым же показалось, что мы слишком замкнуты, закрыты для желающих принять нашу веру. Вспомним, в частности, о довольно известном германо-еврейском деятеле Лео Баеке, уверявшем, что если бы у большого числа немцев родственники приняли иудаизм, Холокоста бы не произошло. Наконец, ответом на Холокост многие считали антидиффамационную деятельность – отслеживание проявлений антисемитизма и решительную борьбу с ним на зачаточном уровне политическими, физическими и материальными способами.

Ассимиляция. Может ли она противостоять антисемитизму? Не следует забывать, что большинство довоенных немецких евреев были совершенно ассимилированы, называли себя "немцами Моисеева закона". И что же? Холокост коснулся даже тех евреев, которые вовсе порвали со своими корнями, приняли христианство.

Стал ли сионизм, равно как и появление Государства Израиль, панацеей от наших бед? Сионизм, возникший задолго до Холокоста, конечно, явился следствием антисемитизма. Если бы Теодор Герцль мог добиться достойного места в правительстве Венгрии или Франции, гражданином которых он в разное время был, вряд ли отец-основатель сионизма стал бы задумываться над созданием "еврейского национального очага". Надо сказать, что в этом отношении для большого числа евреев идеи Герцля в Израиле нашли свое решение. Миллионам евреев Государство Израиль вернуло чувство национального достоинства. Сотни тысяч жертв Холокоста вернулись в собственный Дом. Но и это не положило конца антисемитизму. Более того, появилось целое государство, не вызывающее симпатий во всем мире.

Что касается прозелитизма, то еврейство вовсе не закрыто для тех, кто желает к нему приобщиться. Принадлежность к иудаизму, с точки зрения еврейского закона, совсем не является вопросом принадлежности расовой. Авраам, первый еврей, стал таковым, приняв единого Б-га, и никого не интересуется, какая в нем текла кровь. Царь Давид, один из самых славных еврейских правителей, был внуком моавитянки Рут. И тем не менее наша традиция гласит, что именно его потомку суждено стать долгожданным Мошиахом, освободителем еврейского народа. Однако еврейство не готово "облегчать" свою традицию, чтобы повысить свою привлекательность в глазах публики. Это не только не решило бы проблему антисемитизма, но и поставило бы наш народ перед

перспективой полного уничтожения. Без Торы, без ее законов, без каждой ее буквы евреи просто перестали бы существовать как народ.

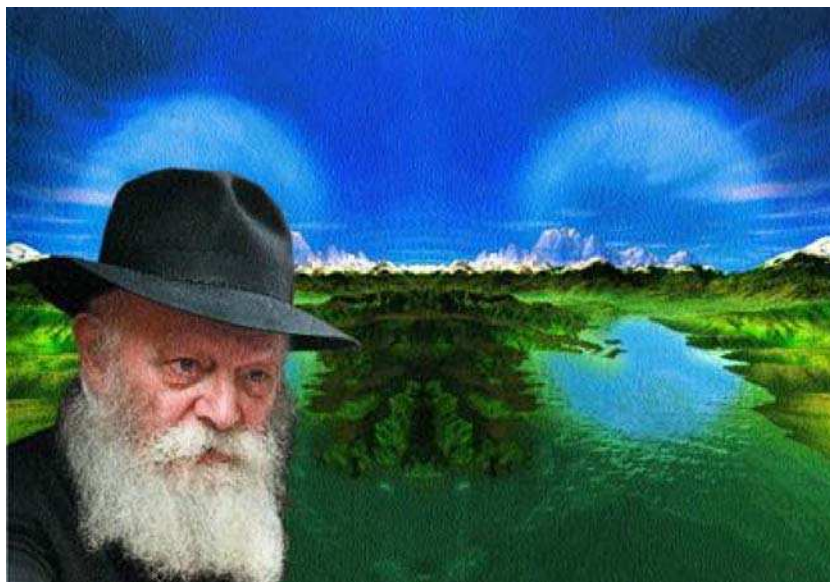
К настоящему времени евреи в борьбе с антисемитизмом добились весьма значительных успехов. Мощные лоббистские силы в США, европейских странах не позволяют подвергать евреев где бы то ни было опасностям, которые давно уже стали тенью нашего народа. Но не стоит обольщаться – такая деятельность достаточно эффективна, но не безгранична. Послевоенная история дала немало этому доказательств. Вспомним хотя бы государственный антисемитизм в Советском Союзе, преследования евреев в арабских странах, вспышки антисемитизма в самой Америке, взрывы в еврейских учреждениях Аргентины.

Чего хотел Гитлер, да будет стерто имя его в веках? Он мечтал о том, чтобы в мире не осталось ни одного еврея, ни одной синагоги, ни одной еврейской школы, книги, журнала, газеты, чтобы евреи перестали быть частью мира. Можете быть уверены, дорогие читатели: приняв решение, что ваш ребенок должен учиться в еврейской школе, а вам самим следует посещать синагогу, отмечать еврейские праздники и соблюдать Субботу, вы снова и снова побеждаете Гитлера и его современных последователей. Наш ответ на Холокост должен заключаться в укреплении глобального еврейского дома, в еврейском воспитании наших детей, следовании еврейским традициям и нормам еврейской морали.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

Обретение Неба на Земле

365 размышлений Ребе

185

Человек самостоятельно не может подняться выше собственного эго. Не может он выпрыгнуть из своей кожи, поднять себя за волосы. Все, что им достигнуто, привязано к его эго. Все, что ему удастся понять, определено его субъективной проницательностью. Он — пленник существования.

Но Б-г бросает человеку веревку. Дает ему работу, выполнить которую он не в состоянии, и способность измерять, уносящую его прочь от пустоты субъективной вселенной.

Все, что требуется, — это желание воспарить.

Все мы пленники. Но сидим мы на ключах.

186

Свет души нисходит, чтобы облечься вашей плотью и кровью. Ядро души остается наверху. Оба по-прежнему как-то обручены.

Тора сочетает их. Когда вы всем своим существом бросаетесь в глубины мира Торы, размышляя, пока он не проникнет до мозга костей — Тогда цепь размыкается, и Верх с Низом соединяются.

Изучая Тору и следуя ее законам, человек выходит за пределы сути сотворенного и входит в безграничное царство Создателя.

187

Если вы исполняете Его волю, потому что видите в ней смысл, какое отношение это имеет к Нему? Вы исполняете свою волю. Вы снова в тюрьме.

188

Человек должен гореть — огнем алтаря, сжигающим эго внутри, приближая животное начало к Б-жественному.

Большое эго горит с шумом.

Маленькое эго горит тихо.

189

Ничтожность — посредник, через которого движется вся Энергия сверху вниз и снизу вверх.

Внизу, в человеке, чувство ничтожности превосходит эго. Наверху ничтожность превосходит все границы и места.

Ничтожность внизу сливается с ничтожностью наверху, замыкая Небо и землю в вечном объятии.

Вот почему Б-га можно найти среди истинно смиренных.

190

Мы пленники, потому что изгнали нашего Б-га.

Пока мы ищем Б-га, бросив созданный Им мир, нам не найти Его по-настоящему.

Пока мы убеждены, что мир — это место, откуда следует бежать, не будет для нас истинного освобождения.

Полное освобождение наступит, когда, открыв глаза, мы увидим, что здесь есть все.

Это здесь, внутри.

Все здесь внутри.

Но “я” твердо охраняет ворота.

ПРАВДА

Вначале люди смотрели на мир и удивлялись. Потом стали понимать, что могли. Но удивление сохранялось и росло. Постепенно люди поверили в то, что могут

понять все, а недоступное пониманию просто неверно – и оно не существует. И тогда удивление угасло.

Все это — преамбула к тому, как Ребе подходил к истине. Он отвергал мысль, что истина является таковой, если она поддается пониманию. Некоторые люди называли лампочку Эдисона мистификацией, тогда как Менло-Парк купался в ее свете; кто-то сочинял тезисы, доказывающие, что человек не может летать в машине, в то время как братья Райт уже пять лет демонстрировали это публично. Эти люди не были умнее ученых XVIII века, которые выбрасывали метеориты из музеев, утверждая, что камни не падают с небес, потому что их там нет.

Истина есть нечто, найденное вами, чему вы отдались бы. Часто она предстает в таком виде, что вы скорее оттолкнули бы ее, отказались бы принять ее своим умом. Истина приходит откуда-то издалека, куда вам не добраться. Но как только она признана вами — да, это несомненно истина — вы должны поручить каждой клеточке своего мозга понять ее, переварить. Начните с удивления, с пустоты, откройте глаза и уши тому, что говорит вам мир.

191

Вводить в заблуждение мир — одно дело, обманывать же самих себя — не большое достижение. Ты глупец, если хочешь одурачить себя, это понятно всем.

192

Как считают многие, чтобы познать истину, вы должны превратить камни в пыль, передвинуть горы, перевернуть весь мир. На самом деле Истина означает: суметь говорить искренне с Б-гом, изучать Тору, понимая — в этом заключено нечто Б-жественное, помогать другим от всей души. Истина познается в мелочах.

С другой стороны, чтобы убрать гору необходимо некоторое количество динамита и несколько бульдозеров. А для того, чтобы совершить какую-нибудь мелочь, может потребоваться целая жизнь работы над собой.

Делайте, что можете: учитесь, молитесь, размышляйте, совершенствуйте себя; вы уже знаете, как это делать, и Он поможет, чтоб ваши дела находились в согласии с Истиной.

193

Существует много видов правды. Есть правда для всякого создания и для каждой частицы вселенной — ибо каждый отражает своего Создателя по-своему.

Искать правду значит больше, чем искать собственную правду. Это значит найти правду, годную для вас и для других, сейчас и всегда, здесь и везде, для тела и для души, для древнего мудреца и несмышленного ребенка.

Чем выше правда, тем меньше у нее границ.

194

Баал-Шем-Тов учит: есть две дороги.

1. Б-жественно всё.

2. Всё Б-жественно.

Б-г там, где эти дороги сходятся.

195

Б-жественно всё — это дорога Авраама.

Авраам понял, что есть Реальность за пределами любой другой реальности. Всё перед ней кажется несуществующим. Поэтому он разбил идолов и объявил всем людям во всех странах, что есть только Один.

Всё Б-жественно — дорога Ицхака.

Ицхак видел, что мир на самом деле Б-жественен. Поэтому он копал колодцы и в земле, и в людях, выкопал и выбросил тьму, нашел в каждой вещи Б-жественные искры.

Ицхак боролся с тьмой.

196

В каждой дороге есть то, чего не хватает другой.

Если Б-жественно всё, туда включена даже тьма. Но мир не изменяется, ибо тут нет мира, есть только Б-жественное.

Если всё Б-жественно, вы преобразуете мир, откапывая и отбрасывая тьму, отыскивая искры Б-жественного. Но тьма остается нагроможденной снаружи.

Дорога Яакова означает: найти То, Что Является Всем в каждой вещи, и принести То, Что За Каждой Вещью во всё. Он знал Б-га, который одновременно вне и внутри. Для Яакова тьма — тоже свет.

197

Все, что существует, — это Он и вы.

Остальное – лишь передатчик.

Все, существующее в вашем мире, определяется вашим отношением к связи с вашим Творцом. Одно из трех: или это

1. Связь, за которую надо держаться.

2. Отталкивание, которого следует избегать.

3. Нейтральная почва, которая ждет, чтобы вы превратили ее в связь.

Но того, что не является частью вашего замысла, не будет в вашем мире.

198

Все, существующее в вашем мире, — это ваш Творец и вы. В мире вашего ближнего все, что существует, — его Творец и он. И мир его столь же несомненен, как и ваш.

В мире коровы — только ее Творец и она. Так и с насекомым, с растением, даже со скалой.

Каждое сознание образует мир, и каждый мир верен. Осознание этого факта также является частью вашего мира. Осознание того, что в мире других вы — только помощник, передатчик, с помощью которого они связываются с Б-гом. И теперь вы знаете, как войти в их мир.

Где находится центр вселенной?

Каждый – центр целого мира.

199

Мир — место постоянных перемен и беспокойства. Каждая точка времени отличается от точек до и после. Каждая точка в пространстве — это целый мир со своими условиями и обстоятельствами, мир частиц, постоянно мчащихся в кажущемся беспорядке.

Взгляните на собственную жизнь. Вы делаете много вещей без всякой видимой связи между ними.

Внутренний мир — состояние, в котором все ваши частицы, все аспекты вашего дня движутся в одном направлении.

Если у вас есть цель, вы спокойны.

200

Высшая молитва — молитва ребенка.

Вы молитесь какой-то возвышенной концепции — Бесконечного Света или Сущности Бытия, или...

Но у ребенка нет никакой концепции. Существует просто Б-г.

Утром, когда вы открываете глаза, вы — новорожденное дитя. Тогда и там вы встречаетесь с Б-гом лицом к лицу.

Но как только вы пробудились, начинает работать ваш мозг. Старайтесь сохранить ребенка в душе.

201

Свет был скрыт. Но не его Источник. Источник Света повсюду.

202

Есть Б-г, открытый индукцией, и есть Б-г дедукции, и есть нечто вдали от всего этого.

Вы смотрите на мир, видите жизнь в нем и приходите к выводу, что в Создании заключена гармоническая сила.

Вы смотрите на мир снова и понимаете, что у Творца не было никаких ограничений — Он должен быть Бесконечным Б-гом — и решаете дедуктивно, что Б-г вдали от всех вещей, известных вам.

Но обе дороги определяют Б-га по вещам, которые вы знаете либо находите в них Его, либо решаете, что Он не является ничем из них и пребывает вдали от всех. Больше ничего разум постичь не может. Он, разум, может вечно пытаться и проникать все выше, но никогда не достигнет Его.

Однако глубоко внутри вы сознаете, что есть Существо, в котором невозможно определить, что в нем имеется или чего в нем нет.

Как сказано в Зогаре: “Никакая мысль не уловит Его. Но Он пойман внутренними струнами души”.

203

Острый ум найдет истину для себя.

Смиренный ум найдет истину выше себя.

Истина — собственность не интеллектуала, а того, кто знает, как убежать от собственного “я”.

204

Многие вещи представляются верными разумом, окончательная же проверка истины производится здесь, на земле.

205

Никто не может заявить, что достиг абсолютной истины, пока существует некто, не достигший ее.

Абсолютная истина — это неограниченный свет, и если это так, то как он может сиять одному и не сиять другому?

206

Рабби Гилель из Парича говорил: “Не люблю глупцов, но кое-кто, не будучи очень умен для себя, находится ближе к истине”.

207

Важное поучение Баал-Шем-Това:

Будь простым, серьезным и распрости эту простоту на все, что ты делаешь. Простота — хранилище для Б-жьего простого Единства.

ВЫСШАЯ ЖИЗНЬ

Первоначально эта глава называлась “После жизни”. Но автор наткнулся на ответ Ребе студенту, спросившему, что такое “После жизни”. Ребе сказал, что такого понятия нет: жизнь не кончается, она продолжается в высшей форме.

208

Мы не говорим, что некто “пойдет на небо”. Мы говорим, что это “дитя грядущего мира”. Небо — это не место, куда вы идете. Это нечто такое, что вы несете с собой.

209

Рабби Йоханан бен Заккай, мудрец Талмуда, который плакал на смертном одре, объяснил своим ученикам, почему он плачет:

— Я не знаю, по какой дороге меня возьмут.

Вероятно, он раньше не задумывался над этим.

Некоторые люди постоянно беспокоятся, что с ними произойдет в конце. Рабби Йоханан был слишком занят мыслями о том, что надо делать теперь и здесь. До самого последнего момента...

210

Все в Ребе было чистейшей добротой. Даже его представление об аде (по-еврейски “геином”) было добрым и великодушным, насколько это возможно.

Люди неверно представляют себе Ад. На самом деле — это нематериальное место, где есть все, что и в нашем мире, но существует оно бесконечно. Так, за чем бы вы ни гнались в нашем мире, вы будете гнаться и в бесконечности.

Это Ад.

Эпоха “После жизни” — очень разумное, естественное следствие хода вещей. В конце концов ничто не исчезает, даже тело только преобразуется в землю. Но ничто не теряется.

Личность также никогда не теряется — она возвращается к своему источнику.

Если душа во время своего пребывания здесь привязывается к материальному миру, должно быть мучительно отрываться, чтобы вернуться назад. Если же она только странник, постоянно связанный со своим источником, возвращение домой — только блаженство.

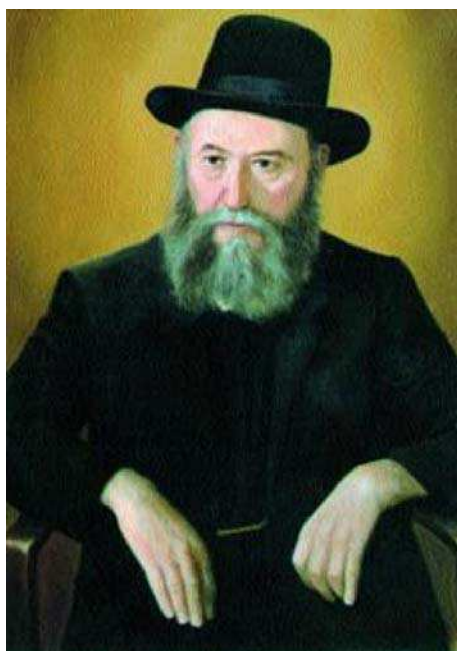
Как учит Баал-Шем-Тов, в Небесном суде никто не может судить вас за то, что вы делали, пребывая на земле. Как это происходит? Вам показывают чью-то жизнь — все ее достижения и все провалы, верные решения и дурные поступки — потом спрашивают: “Так что следует сделать с этим человеком?” Вам надо вынести свой вердикт, который принимается, после чего выясняется, что этот некто — вы. Конечно, тот, кто склонен судить других не очень строго, определенно выиграет. Лучше уже сейчас учесть это.

РАМБАМ ХАСИДИЗМА

Пятый Любавичский Ребе рабби Шолом-Довбер (Рашаб) известен также как Рамбам хасидизма. Подобно главному труду Рамбама “Мишне Тора”, беседы Ребе Рашаба о хасидизме изложены доступным языком, во всех деталях. Написанные с целью помочь читателю разобраться в тяжелых эзотерических вопросах, беседы Ребе с их систематическим подходом к обсуждаемому вопросу призваны преподать практические уроки жизни.

В предисловии к “Мишне Тора” Рамбам говорит: «Я счел необходимым составить книгу, ясную и лаконичную, которая позволит каждому ознакомиться в полном объеме с устной Торой, включая все законы и все высказывания мудрецов и пророков. Именно потому, что предметом книги будет вся устная Тора, я называю ее “Мишне Тора” (“мишне” означает “двойная”, как письменная, так и устная), ибо, изучив письменную Тору, можно перейти к этому моему труду и овладеть в полном объеме устной Торой».

Беседы Ребе Рашаба, его майморим, предельно раскрывают смысл эзотерических концепций. Каждая идея обсуждается всесторонне, и ею можно воспользоваться как практическим руководством в повседневной жизни.

Ребе Раяц “от имени старших хасидов” называет Ребе Рашаба “Ховос а-левовос” хасидизма. Как “Ховос а-левовос”, написанный в Испании в XI веке рабби Бахья ибн Пекедай, трактует о вопросах веры, начиная с прямого и кончая очень глубоким, скрытым смыслом, и всегда дает убедительный критерий, с помощью которого можно прояснить тот или иной момент, так и майморим Ребе Рашаба толкуют о предметах, относящихся к жизни самым непосредственным образом, о самых отвлеченных идеях и всегда включают определяющий критерий.

Чтобы лучше понять этот метод, обратимся к примеру. В своей первой беседе Ребе Рашаб обсуждает упомянутые в ряде книг причины, побудившие Б-га сотворить мир. Одна из причин, рассматриваемых Ребе, состоит в том, что путем создания вселенной Б-г хотел продемонстрировать Свое могущество. Другая причина сводится к тому, что

Б-г хотел, чтобы Его открыли и поняли. Поэтому Он создал мир и населил его живыми существами, Своими подданными. Третья причина: Б-г испытывал духовное стремление, не поддающееся рациональному, логическому объяснению, — иметь для Себя место обитания в материальном мире.

Первую из этих трех причин Ребе отвергает, задавая следующий вопрос: если такова причина сотворения мира, зачем было Б-гу создавать материальный мир? Для демонстрации Своего могущества было бы достаточно более высоких духовных сфер, таких как мир “Ацилус”, сферы, в которой присутствие Б-га явно и открыто.

Желание Б-га иметь подданных, чтобы быть понятыми ими, не объясняет, зачем Ему нужно было создавать материальный мир. Духовные существа в высших мирах понимают Б-га гораздо глубже, чем любое земное существо, ведь в высших сферах нет физических ограничений, мешающих понять истину реального существования Б-га. В нашем же материальном мире, где царят хаос и смятение, требуется усиленный труд ума и сердца, чтобы обрести истину.

Ребе Рашаб приходит к выводу, что причины сотворения мира не существует вовсе. Он цитирует своего прадеда, Алтер Ребе, который сказал: “Аф а тайве из нит кейн каше”, что переводится примерно так: Если испытываешь сильную потребность в чем-то, нет вопроса “почему?” В случае сильной духовной потребности задавать вопросы ни к чему — сплошь и рядом желание не поддается объяснению. Оно иррационально, поскольку выходит за пределы разумного состояния и связано с самой сутью, духом человека. И если вы спрашиваете, зачем Б-гу было создавать этот мир, ответ гласит, что на подобный вопрос не может быть ответа, потому что не может быть такого вопроса. Когда мы говорим о Б-ге, концепция вопроса и ответа неуместна, поскольку Его Б-жественная суть выше, вне каких-либо вопросов и ответов. Мы можем задавать вопросы и получать ответы постольку, поскольку это допускает Г-сподь. Нам следует осознать, что Б-г непостижим. Он не может быть низведен до понимания с помощью человеческого интеллекта.

Этот анализ с его систематическим подходом не встречался в беседах ни одного из предыдущих Ребе. Правда, его предшественники затрагивали вопрос о сотворении мира в своих беседах, но не так обстоятельно, не так глубоко. Человек, изучающий этот хасидский труд, приобретает практический подход к жизни. В мире, полном хаоса и беспорядка, он чувствует себя все более спокойно, осознает, что именно в этом мире мы должны преодолеть реальные трудности, что важнее всего то, что мы делаем здесь.

Шолом-Довбер преобразует материальное в духовное

Его первым именем, Шолом, родители назвали Ребе Рашаба в честь прадеда — рабби Шолома-Шахне, отца Цемаха Цедека. Второе свое имя, Довбер, он получил в честь Миттелер Ребе рабби Довбера. В более глубоком смысле оба имени соответствуют главной цели его жизни — преобразования материального начала в духовное.

“Шолом” означает “мир”. Мир обычно достигается, когда третья сторона способствует восстановлению добрых отношений между двумя людьми или двумя общностями, двумя государственными образованиями, противостоящими друг другу, враждующими между собой. Мы ежедневно произносим молитву, в которой говорится: “Б-г водворяет мир на небесах”.

Где же то настроение, конфликт, требующий вмешательства Б-га для восстановления мира? Наши мудрецы объясняют, что имеется в виду несогласие между двумя ангелами, Михоэлом, ангелом вод и хеседа — любви, доброты, и Гавриэлом, ангелом огня, гевуры — правосудия. Они противостоят друг другу, но Б-г устанавливает мир между ними, потому что Он Всесильный и Всемогущий, стоит выше всех и все может. Михоэл и Гавриэл знают, что они — не самостоятельные единицы, работающие сами по себе. Нет, они служат Б-гу, которому нужен вклад того и другого.

Очевидно, что концепция мира демонстрирует способность высшей власти устанавливать мир между теми, кто противостоит друг другу, сводить вместе противоположности. Хасидизм учит, что духовный атрибут “кесер” есть выражение этой третьей силы, довлеющее над всем выражение Б-га. Поэтому имя Шолом ассоциируется с уровнем “кесер”, а “кесер” — это еще и “корона”, венчающая голову царя, символизирующая господство и над умом, и над сердцем, обуздание эмоций, приведение их в согласие со здравым рассудком, интеллектом. Имя Шолом символизирует силу, сводящую вместе противоположности, всестороннее единение, монолитную всеобъемлющую справедливость.

“Довбер” в буквальном переводе означает “медведь”. “Дов” на иврите “медведь”, а “Бер” — “медведь” на идише.

Сам Ребе, объясняя духовное значение этого имени, исходил из того, что в Талмуде описывается медведь с огромной тушей, т. е. очень толстый медведь. Он указывает на причастность к мирским благам. Речь идет не просто о материальном, а о том конечном в материальном, олицетворяемом медведем, имеющим много мяса. Мясо есть у всех животных, но у медведя его больше, чем у всех остальных, тем он и отличается от них.

Что касается служения Б-гу, то медведь преподает нам урок, заключающийся в том, что самые материальные, физические предметы можно преобразовать, довести до состояния святости. Способность совершить это исходит от кесер — короны. Как сказано выше, именно кесер дает силу свести противоположности воедино. Аналогичным образом кесер берет материальное, обычно воспринимаемое как антитеза духовному, и преобразует его в духовное, Б-жественное.

Любавич во времена Ребе Рашаба.

Любавичская ешива “Томхей Тмимим”

Одним из важнейших дел Ребе Рашаба было создание ешивы “Томхей Тмимим”. Это название выбрал сам Ребе. Он объяснил, что взято оно из молитвы, которую произносят в Симхас Тойра, когда танцуют с Торой в руках. В этой молитве говорится: “Томех Тмимим ойшиа но — Б-же, укрепляющий искренних, помоги нам!” “Студенты, которые будут обучаться в этой ешиве, помогут всему Израилю”, — сказал Ребе, имея в виду учреждение любавичских ешив. Тогда же Ребе говорил о том, что существует много ешив, в которых изучают Талмуд, и если бы его единственной целью было открыть еще одну, это не стоило бы труда. Во вновь создаваемой ешиве упор будет делаться на воспитание

Б-гобоязненных, смиренных студентов, понимающих, что как бы хорошо они ни знали Талмуд, это лишь способ расширить свои возможности служить Б-гу. Другая задача ешивы, отличной от существующих, — изучение наряду с Талмудом хасидизма, причем в студенте, изучающем хасидизм, должно быть заметно, что он изучает Талмуд; тем самым достигается синтез Талмуда и хасидизма.

Чтобы представить себе фон, на котором создавались ешивы “Томхей Тмимим”, надо напомнить, что представляли собой ешивы в начале XIX века. Это было место, куда молодые люди приходили изучать Тору под руководством известных ученых, средоточие еврейской учености. Чаще всего родители посылали сыновей в местную ешиву, в том городе, где жили сами. Многие студенты вечером возвращались

под родной кров. В конце века, когда распространилось движение за просвещение (Хаскала), концепция ешивы видоизменилась. Целью руководителей ешив стало не просто повысить у студентов интерес к сведениям, содержащимся в Торе, — главным для них явилось полное изменение учащегося. В фокусе занятий оказался весь человек, его ум, сердце и, прежде всего, поведение.

Открылось большое количество новых ешив, в которых, опираясь на “муссар”, морально-этический кодекс, стремились пробудить в студентах желание совершенствовать свой характер. Учащиеся много часов слушали лекции и беседы учителя, ответственного за воспитательную работу, после чего участвовали в дискуссиях.

Еще одно различие между прежними и новыми ешивами заключалось в подходе к изучению Талмуда. В начале века, когда еще только зарождалось движение Хаскалы, было принято заучивать наизусть тексты из Талмуда. Обсуждению его текстов, дискуссиям не уделяли особого внимания. Под влиянием просветительских идей руководители ешив ощутили необходимость преподавать студентам метод, который уравновесил бы интеллектуальность подхода Хаскалы. Этот новый стиль обучения стал известен как “пилпул”. Воздействуя на интеллект учащегося, он ставил перед ним задачи, побуждал его не интересоваться Хаскалой вместо Талмуда.

Хасидский ответ на движение Хаскалы

На появление Хаскалы Хабад отреагировал новаторским путем. Ребе Рашаб показал, что хасидизм — это инструмент, позволяющий студенту преодолеть соблазны движения за просвещение. Была создана ешива, в которой хасидизм изучался с таким же рвением, как и Талмуд. Для этого Ребе ввел ежедневные трехчасовые занятия хасидизмом — полтора часа утром, до молитвы, и такие же вечером, что служило подготовкой ко сну.

Ребе призывал студентов ешивы относиться к хасидизму так же серьезно, как к Талмуду. Известно, что Талмуд требует при его изучении глубокого и безусловного понимания текста и комментариев, предусматривает форму вопросов и ответов, диалог между учащимися.

До создания ешив “Томхей Тмимим” хасидизм изучали в ешиве “Цемах Цедек” и “сидельцы”, (те, кто сидел и изучал Тору в Любавиче под руководством и покровительством Ребе Шмуэля. Это были отдельные хасиды, искавшие встреч с такими же, как они сами, возможности время от времени послушать хорошую лекцию. От них никто не требовал, чтобы они работали над своим характером, становились иными. Обучение в ешиве не добавляло им ничего, кроме дополнительных знаний.

Хасидизм изучался также в группах неорганизованным путем и неформально. Студенты приходили на занятия, когда хотели, определенных часов для учебы не существовало, кто-то считал для себя удобным изучать его в 11 часов утра, разрешалось посреди изучения Талмуда заняться изучением майморим. Сегодня ученик мог выучить страницу майморам Алтер Ребе, а завтра — страницу майморим Миттелер Ребе. Помимо бессистемности, необязательности в том, что касается объема выученного, не было строгих требований и к его качеству. Те, кто изучал хасидизм, поверхностно знакомились с содержанием того или иного майморам. После ознакомления с общими принципами переходил и к изучению чего-то еще. До учреждения “Томхей Тмимим” недостаточно внимания уделялось содержанию изучаемого материала. Разумеется, среди

хасидов всегда были великие умы, которые знали каждую деталь майморам своего Ребе. Но это были единицы, а в целом наблюдалось иное.

В общем, можно сказать, что новым в ешивах “Томхей Тмимим” была концепция постоянного, систематического изучения хасидизма.

“Я оставляю вам мои труды”, а не “Я отдаю вам мои труды!”

Перед смертью Ребе Рашаб сказал своим ученикам: “Я уйду на небо и оставляю вам мои труды”. Возникает вопрос: почему Ребе не сказал “даю”, а употребил слово “оставляю”? Ведь обычно человек д а е т что-то другому. Ребе Рашаб предпочел сказать “оставляю”, чтобы подчеркнуть — написанное им студентам должно глубоко изучаться под собственным углом зрения. Если бы Ребе употребил слово “даю”, подразумевалось бы, что он дарит свои труды и они должны оставаться в таком виде, как есть. Получатель подарка не имел бы права брать под сомнение написанное, копаться в нем, чтобы лучше его понять. Из сказанного Ребе Рашабом “Я оставляю вам написанное мною” следует вывод, что получатель должен сам подключиться к этому труду, задаваться вопросами, определять значение всего оставленного Ребе тем подходом, который удовлетворил бы его ум.

Этот подход к изучению хасидизма был сформулирован в майморим Ребе Рашаба и углублен путем создания ешив “Томхей Тмимим”. В них студентов учили анализировать майморам так же, как отрывки из Талмуда, препарировать, расчленять майморам, пока их уму не станет все понятно. В этом заключено подлинное значение ешивы. Слово “ешива” переводится с иврита как “место, где сидят”. В более глубоком смысле сидение в ешиве становится частью человека, аналогичном концепции “тошов”, что на иврите соответствует постоянному участию в жизни общины. В том же духе внутренний смысл и урок в ешиве — это постоянное присутствие и неизменное участие в изучении Торы, которая рассматривается как часть человека. Эта концепция ешивы, как объяснялось выше, проявляется в том, чему учит хасидизм, в первую очередь хасидизм Ребе Рашаба. В ешиве “Томхей Тмимим” даже изучение Талмуда стало не просто академическим занятием, а средством, укрепляющим в процессе учения приверженность к Б-гу.

В учениках Ребе Рашаба в самые тяжелые времена укреплялась решимость держаться своей веры. Когда в сталинские годы было объявлено: “Никакой Торы, никакого Б-га, никакого иудаизма!”, эти люди приняли, чего бы это им ни стоило, создавать повсюду в России Талмуд-Торы, миквы и ешивы. Силы для такого самопожертвования давало им то, что они впитали в себя хасидизм и Талмуд.

Рукопись Ребе Рашаба.

Через хасидизм Хабада человек постигает суть Б-га

Со знанием этой истины можно понять еще одно загадочное высказывание. 19 Кислева 1919 года Ребе Рашаб написал, что “именно через изучение хасидизма Хабада человек воспринимает суть Б-га”. Ребе Раяц в майморе от 19 Кислева 1925 года объясняет, что эти слова касались именно хасидизма Хабада, отличающегося от хасидизма с “польским” подходом, который делает упор на простую веру, полное доверие к цадику, пренебрегая личным опытом.

Как объяснял Ребе Рашаб, только через хасидизм Хабада человек приходит к пониманию того, что Б-г — это первичное в творении и единственная реальность в нем. Понадобилось это учение, чтобы продемонстрировать еврейскому миру новый подход.

Как сказал Ребе, через хасидизм, основанный Алтер Ребе, особенно после “Петербурга”, когда он находился в заключении, идеи хасидизма распространялись повсюду, потому что это учение раскрывает тайны Торы в доступной форме, с привлечением Хохмо, Бина и Да’ас. Если говорить более конкретно, хасидизм развивался таким образом, который Зогар называет “испарнисун” (от слова “парносо” — “питание” на иврите), что надо понимать как поддержку с помощью познания. Подразумевается воздействие не просто на благочестивую душу, но и на животные побуждения человека, на его отношение к материальным делам. Результатом является полное преобразование эмоций и мышления, переориентация от материальных интересов к Б-жественным. Таково значение “хуца” (внешнего).

Внешнее в человеке — это его составляющие, которые ранее не были направлены на служение Б-гу, а отныне становятся преданными Ему. Именно после того, как человеческий разум просветляется изучением хасидизма Хабада, человек проникает в суть Торы. “Опускание” Хабада в человеческий разум показывает, что он исходит из самого высокого источника.

Только благодаря тому, что суть человека связана с главной частью Торы, он (человек) способен влиять на свои низменные качества, низшую область вовлеченности в материальное.

Можно утверждать, что эта идея достигла своего зенита в майморим Ребе Рашаба, прежде всего в майморим 1905—1906 и 1912—1916 годов, очень длинные “хемшохим”, в которых сложнейшие идеи раскрыты и уточнены так, что удовлетворяют разум человека.

Возможно, это было еще одной причиной создания ешив “Томхей Тмимим” при жизни Ребе Рашаба, до того как руководство движением Хабад перешло к Ребе Раяцу. Это произошло потому, что через основание “Томхей Тмимим” проявилась всеобъемлющая цель хасидизма Хабада.

О хасидизме Ребе Рашаба сказано: “Хасидизм делает из прирожденных хасидов подлинных хасидов, а сами хасиды преобразуют письменный хасидизм в живое учение”.

Оппозиция светскому сионизму

Создание “Томхей Тмимим”, видимо, было одним из ответов Ребе Рашаба на светское сионистское движение, которое в его время стало проникать в еврейскую общину. Ребе был его категорическим противником.

В письме д-ра Макса Мандельштама Герцлю, датированном 30 марта 1899 года (опубликовано в Ха-Олам в 1938 году, № 43), говорится, что светский националист — более еврей, чем тот, кто сосредоточен на соблюдении предписаний религии. Это мнение побудило таких людей, как Хофец Хаим, раввины Элиэзер Гордон и Илья-Акива Рабинович из Полтавы, Яков Липшиц, публично высказаться против культурного, националистического сионизма. Яков Липшиц обобщил мнения ведущих раввинов-хасидов и раввинов-миснагдим в книге “Ор Лаешорим” — “Свет для праведников”, изданной в 1900 году. В книге впервые с тех пор, как за 60 лет до этого “маскилим” при поддержке властей пытались навязать евреям “просвещение”, хасиды и миснагдим объединили свои силы, чтобы осудить секулярный сионизм.

Раввин Элиэзер Гордон отметил, что не является противником сионизма. Наоборот, он видит в нем немало хорошего, в частности возвращение под его влиянием в лоно своего народа заблудших евреев. Но сионизм подобен красной корове: он очищает нечистых и оскверняет чистых.

Ведущим хасидским священнослужителем, с которым Яков Липшиц нашел общий язык, был Ребе Рашаб. Один из близких Ребе хасидов, богатый петербургский коммерсант, даже пожертвовал крупную сумму на то, чтобы организовать наступление на сионизм. Ребе понимал, как опасен сионизм для еврейского народа, особенно для еврейской молодежи. В эпоху, когда евреи подвергались гонениям, средний еврей искал

легкого решения своих проблем. В качестве такого решения ему был предложен сионизм.

Ребе Рашаб считал светский сионизм даже более опасным, чем движение Хаскалы. Маскил предыдущего поколения евреев, нарушая законы Торы, знал, что грешит, что если он хочет стать настоящим евреем, ему надо покаяться и соблюдать заповеди Г-спода. Сионизм же побуждал евреев поступиться религиозным самосознанием, поменять его на светско-националистическое.

Ребе Рашаб основал ешивы “Томхей Тмимим” специально для того, чтобы “фальшивому решению” проблем евреев противопоставить ответ в духе Торы. Философия его ешивы давала мыслящему и пытающемуся нащупать правильный путь еврею орудие, с помощью которого он мог обрести подлинное самосознание.

В основе антисионистской ортодоксальной идеологии Ребе была положена борьба по четырем пунктам: сионисты искажали понятие изгнания евреев — голуса; не верили в приход Мошиаха; испытывали несомненный интерес к светским знаниям (“культуре”); отвергали Тору и ее законы.

По первому пункту имеется в виду принцип сионизма, который гласит, что каждый еврей может и должен положить конец изгнанию, признавая сионизм началом искупления. Последователь сионизма не ощущает себя изгнанником. Отсюда вытекает и то, что сионисты отвергают ожидание прихода Мошиаха-искупителя. Цель Мошиаха — вывести еврейский народ из голуса. Сионизм же учит, что евреи могут сами освободить себя и нет нужды в Мошиахе. Ребе Рашаб, уделив особое внимание последнему постулату, показал, что он идет вразрез с основными принципами Торы и одним из 13 принципов Маймонида – “Верю в приход Мошиаха”, который станет главой еврейского народа.

Ребе первым стал открыто выступать против сионизма в любой его форме. Некоторые лидеры евреев-ортодоксов были противниками сионизма, но противниками у м е р е н н -ы м и, не являясь сторонниками острого конфликта, предпочитали оставить все в руках Б-жых. Бескомпромиссную позицию, кроме Ребе Рашаба, заняли рабби Элия Майзель из Лодзи и рабби Хаим Соловейчик из Бриска. Они во весь голос заявили о той опасности, которую представлял собой сионизм для иудаизма.

Согласно философии Хабада, активизм и иудаизм идут рука об руку. Каждый человек обязан активно участвовать в делах своей общины. Ребе Рашаб учил молодежь осознавать себя через изучение хасидизма. Своей бескомпромиссной позицией “Томхей Тмимим” обеспечивал и фундамент для этого.

Ребе Рашаб говорил...

А хасидишер итикл бройт вет нит фарфалн верн.

В переводе с идиша выражение означает: “Хасидский кусок хлеба не пропадет”. Приведено оно сыном Ребе Рашаба рабби Йосефом-Ицхоком в Книге писем, т. I, с.337.

Ребе Раяц упомянул это высказывание своего отца в ответ на жалобу студента ешивы “Томхей Тмимим” на то, что в его городе несколько бывших студентов ешивы утратили интерес к иудаизму. Приведенное выражение надо понимать так, что человек,

вскормленный хлебом хасидского учения, не будет потерян для иудаизма. Не может быть такого, чтобы еврей, который воспитан в духе хасидизма, утратил связь с иудаизмом. Он может временно отойти от него, но в конце концов обязательно вернется и покается. Такова сила “хасидского куска хлеба”.

Дер вос халт зих он ин дем Ребес клямке хит ем дер Ребе ин гаимиус ун рухnius.

Это высказывание Ребе Рашаба переводится следующим образом: “Того, кто держится за ручку двери Ребе, он будет охранять материально и духовно”. Ребе Раяц повторил его бывшему студенту своей ешивы, который собирался в дальний путь и намеревался, разъезжая по всей России укреплять иудаизм, чем бы это ему ни грозило. Цитируя высказывание своего отца, Ребе Раяц хотел сказать молодому человеку: “Тебе нечего бояться, пока ты держишься за ручку двери моего дома”, имея в виду хасидское учение и его, Ребе, наставления.

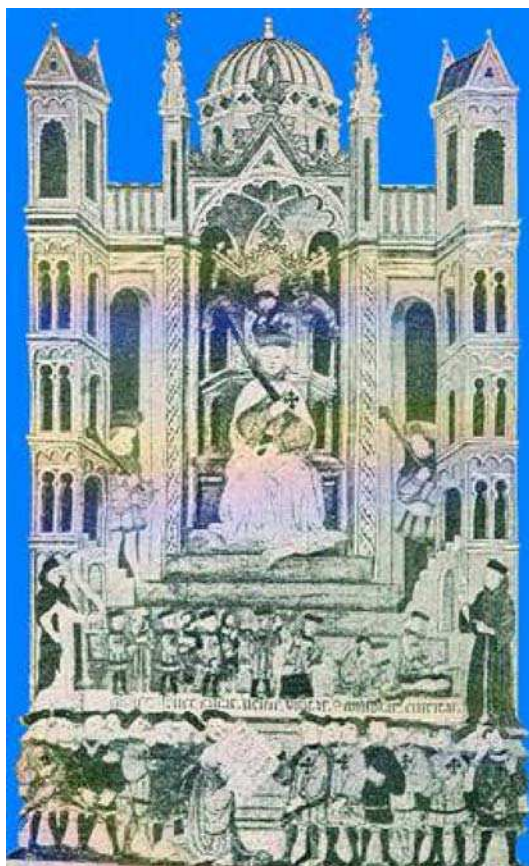

На могиле Ребе Рашаба. Ростов-на-Дону.

НОЕВ КОДЕКС

Дов-Бер Хаскелевич

ВКЛАД ИУДАИЗМА В МИРОВУЮ ЦИВИЛИЗАЦИЮ

Испанский раввин Моше Аррагел подносит великому магистру ордена Калатавры дон Луису де Гуспану испанский перевод Библии с комментариями. Середина XV века.

Один из величайших еврейских поэтов, философ, талмудист и ученый рабби Иегуда Галеви в качестве введения в свое философское произведение "Кузари" использовал старинное предание, легенду о том, как хазарский царь принимал иудаизм.

Легенда гласит, что царю, усердно и всем сердцем служившему языческим богам, во сне явился ангел, который сказал ему: "Твои помыслы искренни, но дела твои не угодны Б-гу!"

Царь стал еще более усердно совершать богослужения, однако опять явился ангел к нему во сне со словами: "Твои помыслы искренни, но дела твои не угодны Б-гу!"

Чтобы разобраться в своих религиозных убеждениях, царь пригласил к себе для беседы философа. Тот, неподвижный и бесчувственный, не сумел ни в чем убедить царя.

Продолжая свои поиски, царь пригласил к себе представителей двух религий – христианской и исламской. Внимательно слушая объяснения каждого из них, он обратил внимание на то, что и христианский священник, и мусульманин ссылались на религиозную традицию евреев, которую оба признавали священной. И тогда царь решил прослушать иудейского мудреца. Его диалог с мудрецом и послужил сюжетом философской книги рабби Иегуды Галеви "Кузари".

В настоящее время факт принятия в VIII веке иудаизма правителями Хазарии, а также частью ее народа не вызывает сомнений. Исследованию этой страницы истории посвящены работы многих ученых, в том числе советского историка М. И. Артамонова.

После принятия иудаизма во время правления царя Овадии в Хазарии были открыты школы для изучения Торы, Мишны, Талмуда, еврейского Закона. Интересно отметить, что в более поздние времена, когда хазарского царства уже не существовало, в раввинской литературе обсуждался вопрос, действительно ли хазары принимали иудаизм. Был найден свидетель, который подтвердил: "Мы видели из их потомков ученых-талмудистов!.."

Иудаизм, как известно, религия евреев. История с хазарским царством указывает на уникальный случай, когда эта религия становится государственной у другого народа. Возникает вопрос, почему же на протяжении тысячелетий иудаизм, с одной стороны, сумел значительно повлиять на формирование мировых религий, христианства и мусульманства, но в то же время сам не стал мировой религией и, за редкими исключениями, вообще не имел распространения среди других народов?

По одному из имеющихся в литературе объяснению этого явления евреи не занимались распространением иудаизма, не рассматривали его в качестве религии для других народов. Он был и оставался религией евреев и только евреев. Согласно другому объяснению, иудаизм не получил распространения из-за сложности его законов, обрядов, предписаний ритуала.

Нам представляется, что ни первое, ни второе объяснение не отражают действительного положения вещей. Что касается сложности обрядовой стороны, то как раз ритуалы иудаизма не были предназначены для распространения среди тех, кто его принимал. Евреям предписано Торой распространять Кодекс семи Ноевых заповедей, который состоит из наиболее универсальных законов и включает веру в Единого Б-га. В этом смысле иудаизм является универсальной монотеистической религией, с библейских времен активно распространявшейся в мире. Царь Соломон во время открытия Иерусалимского Храма молится о том, чтобы Всевышний услышал молитву язычника, который с чистым сердцем обращается к Б-гу. Соломон использовал свои государственные контакты на распространение иудейского монотеизма в разных странах. Не случайно книга Торы "Брейшис" посвящена рассказам о сотворении Вселенной и человека, всеобщей истории человечества, а не только еврейского народа.

Почему же в таком случае иудаизм не стал мировой и, тем более, универсальной религией? И почему именно после разрушения Второго Храма, когда иудаизм, казалось бы, лишился своей былой славы, началось распространение двух мировых религий – христианства и мусульманства, считавших себя наследниками и продолжателями пророческого учения?

Дело в том, что уже в глубокой древности, задолго до разрушения Иерусалимского Храма, иудаизм обладал большой притягательной силой, к нему были обращены взоры многих народов. По оценкам историков, это были миллионы людей в одной только Римской империи. Возможно, не меньше их было и в других странах. О принятии иудаизма царской семьей королевства Хадьеб в империи Парфян в I веке н. э. (36–60 годы) рассказывают историк Иосиф Флавий и Талмуд. Иудаизм прочно и сравнительно надолго (вплоть до конца II века) укрепился в этом королевстве. Во время Иудейской войны его армия воевала на стороне Иудеи против римлян. Предания эфиопов также свидетельствуют о том, что иудаизм или по меньшей мере многие его обычаи были приняты в их стране задолго до распространения там христианства.

Разумеется, далеко не все язычники, приобщавшиеся к иудаизму, принимали его полностью. Это и не вменялось им в обязанность. Требования к ним сводились к минимуму – соблюдению Ноева Кодекса, то есть запрещению идолопоклонства и богохульства, разврата, убийства, насилия, выполнению некоторых других заповедей. Если же язычник хотел полностью следовать Торе, принятие им иудаизма должно было включать обряд обрезания.

Распространение иудаизма не имело четких географических границ, его влияние ощущалось во многих странах Европы, Азии и Африки. Между прочим, для язычников, которые обязывались соблюдать отдельные заповеди, во времена Второго Храма формального ритуала не предусматривалось. Синедрион, заседавший в Храме, пользовался высшим авторитетом в истолковании Закона и решении спорных вопросов иудаизма. Еврейские общины существовали во всех центрах цивилизации, и повсюду доносился свет учения Торы. Если кое-где и возникали ереси или отклонения от правоверного иудаизма, лидирующего положения они не занимали. Однако после разрушения Храма, с изгнанием сынов Израиля из своей страны ситуация коренным образом изменилась. Создался вакуум, который нечем было заполнить.

Получившее распространение христианство делало упор на обращение язычников в новую веру, и первыми среди новообращенных были те, кто до этого находился под влиянием еврейства и иудаизма. Христианство также не требовало от язычников принятия Закона Торы полностью, позволяло ограничиться воздержанием от идолопоклонства, блуда и некоторых других заповедей, входящих в Ноев Кодекс. Христианство, по-видимому, первоначально не противилось и полному принятию Закона иудаизма. Из новозаветной литературы следует, что обрезание, обязательное в случае полного принятия иудаизма, считалось полезным, если соблюдаешь Закон, то есть Тору! Когда позднее, в VII веке, в арабском мире начало распространяться мусульманство, Ноев Кодекс был принят за основу в законе ислама.

Таким образом, Ноев Кодекс можно рассматривать как универсальный вклад иудаизма в общечеловеческую цивилизацию, как связующее звено, объединяющее многие народы, как универсальную норму этического поведения, как основополагающую концепцию международного права.

ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ

НАД ИЗРАИЛЕМ НАВИСЛА

ОТСТАВКА ПРЕЗИДЕНТА

Эзер Вейцман, который является президентом Израиля уже 7 лет, был подвергнут полицейскому допросу по фактам финансовых нарушений. Заключение полиции не содержит ни рекомендации предъявить президенту обвинение, ни полного отрицания его вины.

Представители всех партий призывают Вейцмана уйти в отставку и сделать это до того, как генеральный прокурор вынесет свое решение по полицейскому расследованию, которое, вполне вероятно, признает поведение президента неэтичным.

До последнего времени Вейцман, срок президентства которого истекает в 2003 году, заявлял, что в отставку уходить не намерен. Но совсем недавно он все-таки сказал, что подумывает о досрочном уходе с поста.

Израильский президент обвиняется в том, что в течение многих лет он регулярно получал крупные суммы от своего французского друга миллионера Эдуарда Сарусси. Общая сумма подарков составила 300 тысяч долларов.

Вейцман получал также подарки, будучи депутатом парламента, затем министром и, наконец, президентом, от другого близкого друга, держателя трастового фонда тель-авивского адвоката Ханины Брандеса.

Полиция установила, кроме того, что Сарусси подарил 100 тысяч долларов дочери президента, а ему самому автомобиль. Еще один друг Вейцмана израильский бизнесмен Рами Унгар выплачивал ему ежемесячно тысячу долларов в середине 80-х годов.

Ни одного подарка Вейцман не задекларировал, несмотря на то, что должен был это сделать как лицо, занимающее выборную должность.

Полиция не сочла возможным выдвинуть против Вейцмана обвинение во взяточничестве, хотя в отчете о расследовании представлены доказательства того, что Сарусси обращался к своему влиятельному другу за помощью по защите своих деловых интересов на израильском рынке.

Все эти факты, по мнению большинства политиков, не позволяют Вейцману оставаться на посту президента – по израильским меркам это просто неприлично. Призывы к досрочной отставке звучат со всех концов политического спектра. “Решать

ему самому, но я бы, оказавшись на его месте, несомненно ушел”, – так дипломатично заявили ведущие израильские политики из левого лагеря, к которому сейчас принадлежит Вейцман, министр финансов Авраам Шохат и министр юстиции Йосси Бейлин. При движении направо призывы к отставке становятся более определенными. Так, министр строительства Ицхак Леви из Национальной религиозной партии высказался весьма категорично: по его мнению, оставаясь на президентском посту, он не добавляет чести этому посту. В оппозиционной партии Ликуд политики спешат выступить с требованием о немедленной отставке Вейцмана.

Если Вейцман не поддастся растущему давлению и не уйдет со своего поста добровольно, в кнессете может возникнуть инициатива о принудительной отставке. Для импичмента президента потребовалось бы большинство в 80 из 120 голосов парламентариев. И хотя большая часть депутатов кнессета не склонна поднимать вопрос о насильственной отставке все еще популярного в стране президента, им совсем не нравится, что тот игнорирует преобладающее мнение политиков.

Сам Вейцман говорит, что доволен результатами полицейского расследования, а его жена Реума считает, что “все у них будет нормально”.

Вейцман неоднократно намекал, что за опубликованными разоблачениями стоят его политические враги. Источники, близкие к президенту, связывают происходящее с тем, что президент последовательно поддерживал мирный процесс, и с тем, что позиция президента могла серьезно повлиять на результаты референдума об уходе израильтян с Голанских высот.

Эти подозрения, возможно, разделяют политики из левого лагеря, но после оглашения полицейского отчета все они практически отказали Вейцману в поддержке. И даже те, кто согласен с его версией, что он стал жертвой политических игр, не склонны игнорировать факты, выявленные полицией. Президент не может состоять на зарплате у миллионера, признаться в этом и спокойно оставаться во главе национальной политики.

Оказывая массированное давление на Вейцмана публично и в частных беседах, израильские политики намерены переложить право определять этические нормы страны с плеч юрисдикции и генерального прокурора на законодателей.

Áààèä Èàí äàó

СУД ОСТАВЛЯЕТ ПРЕПЯТСТВИЯ ПОЛУЧЕНИЮ ЛЬГОТ ИММИГРАНТАМИ

Еврейские иммигранты и беженцы, которые въехали в Соединенные Штаты после 1996 года и которым еще предстоит получить американское гражданство, продолжают сталкиваться с трудностями при попытках получить общественную поддержку.

Недавно Верховный суд отказался слушать дело, касающееся изменения закона, ограничивающего социальную помощь жителям страны.

Этим отказом Верховный суд охраняет социальные реформы, принятые конгрессом в 1996 году, делает их неприкасаемыми. Внесенные тогда изменения сделали социальные льготы недоступными легальным иммигрантам. Беженцы, которые доказали,

что обоснованно боялись преследований по причине их расовой, религиозной, национальной или политической принадлежности, лишаются всех социальных льгот через 7 лет после въезда в Соединенные Штаты. Известно, что это положение принесло ущерб десяткам тысяч еврейских иммигрантов. Защитники прав иммигрантов и беженцев сейчас должны обратиться к конгрессу, чтобы продолжить борьбу за восстановление федеральных льгот.

“Все это началось в конгрессе и, по мнению Верховного суда, должно в конгрессе закончиться, – сказал Леонард Гликман, исполнительный вице-президент Еврейского общества помощи иммигрантов (Hebrew Immigrant Aid Society — HIAS). — Никогда раньше не существовало зависимости от права на получение социальной помощи от гражданства”.

Иммигранту и беженцу иногда приходится ждать два года, прежде чем его заявления о получении гражданства будет рассмотрено. До 1996 года они имели право на правительственную помощь все это время, тогда как сейчас, не будучи гражданами, они лишены возможности получать талоны на питание или дополнительные пособия, которые большинство из них тратили на оплату жилья.

Объединенные еврейские общины особенно обеспокоены судьбой пожилых иммигрантов, которым трудно сдать экзамен на гражданство из-за незнания английского языка и неудовлетворительного состояния здоровья. Некоторые местные еврейские федерации смогли обеспечить пожилых людей медицинским обслуживанием и домашними учителями английского. Кроме того, сотрудники федераций сопровождают пожилых и больных иммигрантов в Службу иммиграции и натурализации, хлопочут там за них.

Диана Авив, вице-президент Объединенных еврейских общин (ОЕО), ответственная за общественную политику организации, назвала отказ суда “самым большим разочарованием” и сказала, что ОЕО будут всеми силами бороться за возвращение старого порядка: “Легальные иммигранты должны иметь те же льготы, что и граждане страны. Они платят налоги и соблюдают законы”.

Oladi Nai aad

А ЗАЧЕМ УЕЗЖАТЬ?

МНЕ И ЗДЕСЬ ПЛОХО!

Рижский писатель Леонид Коваль беседует с Александром Гильманом, депутатом Рижской городской Думы.

Александр, ваше имя широко известно в Риге. Ваша гражданская позиция, ваши острые публицистические выступления в прессе принесли вам славу непримиримого оппонента нынешних порядков в Латвии. Познакомьте, пожалуйста, себя с нашими читателями.

Мне сорок семь лет. В свое время закончил Политех, работал инженером. Тринадцать лет назад мне надоело ежедневно ходить на работу, и я подался в железнодорожные рефрижераторные механики. В какой-то момент счел, что газетные комментаторы не все понимают – пришлось самому статьи писать. Через несколько лет, как-то незаметно для себя, стал известным в Латвии публицистом.

Чего ты пытаешься добиться своей политической и журналистской деятельностью?

Сначала надо объяснить, что у нас в Латвии происходит. В республике сложились ДВЕ вполне самостоятельные ОБЩИНЫ – латышская и русскоязычная. Их численное соотношение – примерно 3:2. Само по себе это не трагично, Бельгия в подобной ситуации живет и процветает. Однако у нас латышская община захватила в государстве всю власть, карьерные возможности инородца жестко ограничены.

Я убежден, что именно в этом и состоит смысл латышского национального возрождения: слишком соблазнительна ситуация, когда 40% населения платит налоги, а в разделе пирога никакого участия не принимает. Поэтому у нас и принимаются строгие законы о государственном языке, об образовании, поэтому почти треть населения лишена гражданства – необходим механизм создания тепличных условий для своих.

Самое гнусное, что при этом Латвия признается мировым сообществом более или менее демократическим государством. Когда я был советским евреем, мои жизненные перспективы были ограничены, пожалуй, меньше, чем сейчас. Однако тогда я знал, что живу в тоталитарном государстве, что могу в случае эмиграции претендовать на статус беженца. Сейчас весь мир делает вид, что так и надо, хотя несправедливость касается не 1%, а двух пятых жителей страны.

А теперь к вопросу о цели моих усилий. Наша партия бросает вызов сложившейся системе уже самим названием – "Равноправие". В коалиции с двумя близкими партиями она имеет 16% мест в сейме и примерно столько же в некоторых

самоуправлениях, в том числе рижском. Разумеется, мы обречены на пребывание в оппозиции.

Я достаточно скептически отношусь к нашей политической деятельности. Иногда чего-то удается добиться, но к. п. д. очень невысок. Важен сам факт нашего существования, важно, что мы можем говорить правду, не имеет значения, в качестве публицистов или политиков. Рано или поздно наше слово должно изменить ситуацию, хотя механизм этого изменения пока неясен.

Ты рьяно и справедливо защищаешь латышских русских. А у евреев в Латвии нет проблем?

Лет десять назад был популярен такой анекдот. Прибалт-националист запальчиво жалуется отдыхающему в Юрмале москвичу на то, как много вреда нанесли его маленькой стране понаехавшие сюда русские. "Ко мне ваше недовольство не должно относиться, – замечает гость, – я не русский, я еврей". – "А какая разница, – следует ответ. – Вы, русские, сами разбирайтесь, кто у вас еврей".

Этот анекдот достаточно достоверно описывает и нынешнюю ситуацию. Антисемитизм, конечно, в Латвии существует, но для латышского националиста все инородцы – это достаточно однородная чуждая масса. То, что некоторую долю в ней составляют евреи, не имеет серьезного значения. Важнейшее противоречие государства – взаимоотношения между коренным населением и инородцами, все остальное вторично. Приведу пример. Для многих латвийских русских характерно пренебрежительное отношение к России. Мы, мол, почти в Европе живем, а они там лаптем щи хлебают.

Конечно, определенная разница в бытовой культуре присутствует, конечно, политика ельцинской власти по отношению к нам была, мягко говоря, невразумительной. И все же подобная позиция невероятно опасна, о чем мне не раз приходилось писать.

Хороша Россия или плоха, но другой, ребята, у вас нет, – утверждал я в этих статьях. Если вы хотите, чтобы вами не пренебрегали, научитесь не пренебрегать своей родиной. Это ерунда, что для жизни в диаспоре важно сохранить язык и культуру, евреи достаточно быстро утратили и то, и другое, а два тысячелетия избегали ассимиляции. Самое главное, сохранить преданность стране исхода, преданность чисто политическую. Именно в этом я вижу смысл иудаизма – он воспитал евреев сынами Израиля.

Между прочим, власти очень хорошо понимают эту закономерность. То, что Латвия радостно исполняет роль Моськи в отношениях с Россией во вред собственной экономике, объясняется не только желанием выслужиться перед Западом. Есть и чисто внутренняя пропагандистская установка. Яблоко далеко от яблони не падает, и если Россия так плоха, понимает обыватель, то и с ее блудными сынами церемониться не следует. Кстати, та же причина, по-моему, двигала и советской антиссионистской пропагандой...

Латвия в Израиле известна как страна, которая категорически не желает судить гитлеровских палачей из числа своих бывших граждан. Как ты думаешь, почему?

Лед уже тронулся. Сейчас возбуждены уголовные дела против двух стариков, проживающих в Австралии, Калейса и Озолса. Конечно, по чисто объективным

причинам – мало доказательств, нет свидетелей – вероятность осуждения не велика, но хорошо уже то, что процесс пошел. Меня же в проблеме Холокоста волнует не судьба отдельных престарелых убийц. Самое грустное, что в обществе никто не анализирует, почему именно в Латвии местное население с таким энтузиазмом приняло участие в фашистских зверствах. Ведь знаменитый Арайс, в чьей команде служили эти австралийские старички, предложил свои услуги немцам через пару часов после того, как те вошли в Ригу, а через три дня его банда сожгла Хоральную синагогу, где живьем сгорело несколько сот евреев.

Еще чудовищней была ситуация в местечках, где евреев расстреливали не штатные головорезы, а простые полицейские. Человек, всю жизнь ловивший самогонщиков, бродяг и базарных воришек, получил приказ расстрелять своих соседей, выполняет его и вновь возвращается к правоохранительной деятельности... А многочисленные шоферы, повара – никто не считал свою деятельность предосудительной, и не случайно в Латвию свозили на уничтожение евреев со всей Европы.

Разгадка, на мой взгляд, в режиме, который правил в Латвии в предвоенные годы. Тогдашний диктатор Карлис Улманис сделал лозунг "Латвия для латышей!" главным идеологическим постулатом. Поэтому неудивительно, что в теории и практике нацистов для многих латышей не было ничего запредельного, они привыкли жить при торжествующем национализме, и быть вторыми в жестокой национальной иерархии их более или менее устраивало. Такая логика говорит о незрелости государственного мышления. Именно поэтому я голосовал девять лет назад против независимости Латвии, именно из-за такой наследственности я считаю, что латышский национализм куда более опасен, чем национализм австрийский, о котором сейчас так много говорят.

В Латвии, пожалуй, как нигде в мире, Холокост является проблемой куда более широкой, чем чисто еврейская. Недавно у нас посадили на 6 лет советского партизана Василия Кононова, якобы за убийство мирных граждан. Мне сейчас не хочется обсуждать сам приговор. Вопрос публицистов, обвинявших Кононова, заключался в том, что он фактически изменил Родине, вступив в ряды враждебной советской армии и тем самым способствуя закреплению Латвии в составе СССР. Поставим себя на место подсудимого. Он рос на самом востоке Латвии, в бывшей черте оседлости, где городское население было преимущественно еврейским, сельское – русско-белорусско-польским, а латыши находились в меньшинстве и занимали начальственные посты. В первые дни войны латышские полицейские хладнокровно расстреливали всех евреев. Мог ли быть уверен русский юноша Кононов, что не последует приказа уничтожить всех русских? Мог ли он сомневаться, что этот приказ будет выполнен? И, наконец, мог ли он выбрать во второй мировой войне другую сторону? Ответы на все эти вопросы мне кажутся очевидными.

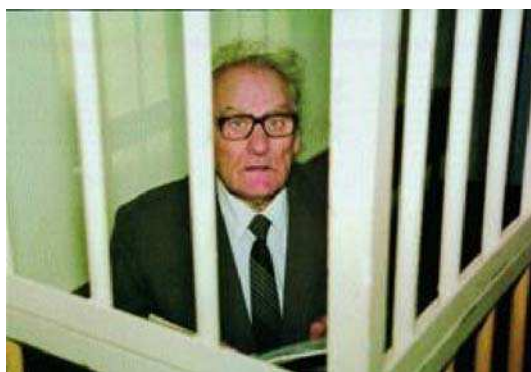
Официальная пропаганда объясняет активное участие латышей в преступлениях Холокоста активностью евреев в преступлениях сталинизма. В Латвии проходят процессы над бывшими сотрудниками НКВД. Среди осужденных – еврей М. Фарбтух. Что ты думаешь по этому поводу?

Самый простой ответ на этот вопрос: не может весь народ отвечать за преступления отдельных своих соплеменников. Однако ситуация еще более сложная. Моих родителей выслали из Латвии в Сибирь 14 июня 1941 года. Дед умер в лагере, бабушка – в ссылке в первую голодную зиму. Но в 1941 году выслали 6 человек, а 16 лет спустя 6 человек вернулись в Ригу – в ссылке родились мы с сестрой. Если бы наша

семья осталась дома, то уже через полгода все были бы убиты. Объективно сталинские преступления спасли моих родных и многих других. Все-таки нельзя сравнивать высылку 15 тысяч человек, из которых большинство остались живы, и расстрел 80 тысяч только местных евреев. И то, и другое преступления, но разного масштаба.

Среди тех, кого приготовились сейчас судить, был такой Соломон Мурин. В годы довоенной диктатуры он работал в подполье, был арестован и приговорен к смертной казни. Тогда международная общественность добилась его помилования. После освобождения он служил в НКВД, затем воевал. В 1998 году его собирались арестовать, и 88-летний старик покончил с собой. Судьба, по-моему, более трагичная, чем преступная.

Мой покойный отец был ровесником Фарбтуха, которого сейчас посадили умирать – ему далеко за 80, и он тяжело болен. Я думаю, что мой отец Фарбтуха простил бы, а Арайса – нет.

Подсудимый ветеран Василий Кононов.

Ты так критически относишься ко всему, что происходит в Латвии. А об отъезде не задумываешься?

Недавно по телевизору я слышал, как такой вопрос задали одному московскому юмористу, а они, как известно, почти все евреи. Ответил он анекдотом: "Абрам Исаакович, что же вы в Израиль не уезжаете?" – "А зачем уезжать – мне и здесь плохо!"

Анекдот, по-моему, замечательный и достаточно полно характеризует тех немногочисленных евреев, которые еще остались на одной шестой. Конечно, здесь плохо – но именно потому, что здесь плохо, здесь есть, что делать, есть, с чем бороться, есть, чем доказать самому себе необходимость своего существования. В Латвии осталось, кажется, уже менее 10 тысяч евреев, некоторые из них на виду: депутаты сейма, видные журналисты, два самых богатых банкира (один, правда, уже довольно давно сидит в тюрьме), знаменитый скрипач, оперная певица и другие известные в самых неожиданных сферах деятельности люди.

Есть байка о том, как уважаемый раввин тщетно уговаривал Троцкого умерить революционный пыл. "Троцкие делают революцию, а убивают Бронштейнов", – с грустью говорил раввин после аудиенции. – Сегодня все бронштейны уехали, а мы, оставшиеся, все в некотором роде троцкие – не потому что мечтаем о революции, а потому что на этой земле у нас есть весьма важные дела, с которыми мы, кажется, совсем неплохо справляемся.

Неподсудный Калейс: тогда и сейчас.

ПОЭТ ПЕЧАЛИ, ГНЕВА И ЛЮБВИ

יְהוֹנָתָן בְּיָלִיק

Как нам петь песнь на чужой земле?..

Хаим-Нахман Бялик – великий еврейский поэт и мыслитель, известный и популярный не только в еврейской среде. “Как все крупнейшие поэты, Бялик общечеловечен”, – сказал о нем М.Горький. “Имя Бялика, разумеется, было знакомо каждому образованному человеку в России, – писал в некрологе о нем Владислав Ходасевич. – Но знакомство это было довольно отдаленное, даже смутное. Бялика знали у нас по переводам, сделанным Вл. Жаботинским. Ряд его стихотворений был также переведен Вячеславом Ивановым, Федором Сологубом, Валерием Брюсовым и другими. При всех достоинствах этих переводов ими, конечно, не заменялось знакомство с подлинником.

Х.-Н.Бялик. Портрет работы Л.Пастернака. 1916 год.

Прочсть Бялика в подлиннике могли слишком немногие, потому что писал он преимущественно на древнееврейском языке, том самом, на котором была создана Библия, который после того, как еврейство утратило самостоятельное политическое бытие, постепенно перестал быть языком разговорным, но сохранился в литературе – и который теперь воскресает как разговорный в Палестине.

Еврейская поэзия, начавшая бытие свое с Книги Бытия, не пресеклась и в рассеянии... Еврейская муза была как бы выведена из ее тематического гетто, в котором она была обречена однообразию и провинциальности. Таким образом, преобразованное национальное сознание вывело еврейскую поэзию на простор поэзии всеобщей. Этим глубоким изменением своей жизни она всего более обязана Бялику”.

Мрачные века рассеяния, казалось, заглушили поэтический голос еврейского народа. А может быть, народ Израиля оставался верен обету, который он дал в годы вавилонского пленения – не петь песен Сиона на чужбине.

Но любовь к поэзии, ниспосланная евреям самим Б-гом, сопровождала их по дорогам средневековой Европы, по улицам еврейских местечек, черте оседлости бывшей царской России, Российской империи. Вероятно, образнее всего мысль эту выразил Бялик: «Многочисленные группы евреев, бежавших от меча и разгрома, из поколения в поколение, из века в век тянутся вереницами по дорогам со священными свитками в объятиях. Несметное количество отделенных людей из народа, синагогальных служек, портных, сапожников, умирают перед священными ковчегами, защищая свою святыню. Сколько скромных подвижников, скрытых праведников, людей, обрекающих себя на "добровольное изгнание" из религиозного рвения, скитаются с места на место, с посохом в руках и котомкой на плечах, храня в своем мешочке для талеса и филактерий свою священную и любимую книгу...» Впоследствии русский поэт Моисей Цетлин напишет:

Аеёё çäññî ï ù äîëäá ääéä

×äñî ðèçäë. Í ùëÿò ïÿòüäîäîäë.

Áäò äñ ï èäðäç. Áäòäð è çäéäò.

È ä èðîäë èçðäî äî ï ù ä ï ä.

Á ï ääññò ï ðîäëä: äñëä çäéé.

Äëäñ ñüüüü. Äëäñ ïðä ää: ï ä

Èëääéè ù ä ï ðîòÿä ääðò ðéé.

Í äò óñë. Í ï ä ï óü ääëèò ï ä

Пути диаспоры еще в XII веке привели евреев в Волынь, область на северо-западе Украины. Евреи жили здесь и во времена, когда земли эти отошли к Литовскому княжеству, и в годы, когда здесь владычествовали поляки, и позже, когда область эта стала частью Российской империи. Маленькое местечко Рады на Волыни стало знаменитым лишь тем, что в нем в семье местного мечтателя-неудачника Иццока-Иосефа Бялика и его жены Дины-Привы в 1873 году родился сын Хаим-Нахман. По этой единственной причине оно вошло в еврейскую историю.

Забытые миром глухие углы...

Безрадостное детство выпало на долю Хаима-Нахмана. Отец его, стойкий неудачник во всех предпринимаемых им делах, умер от непосильно тяжелой жизни и тоски в 1880 году. Хаима-Нахмана забрал к себе дедушка, благочестивый еврей Яков-Мойше, талмудист, живший в предместье Житомира. Именно в эти годы – а провел он в доме деда без малого десять лет – Хаим-Нахман полюбил Тору и Талмуд, стал ревностным талмудистом, что привело его к замкнутости, одиночеству, даже к отшельничеству. Мальчик познал таинства каббалы. Уже после бар-мицвы, решив получить образование более широкое по сравнению с тем, что дают в хедере, юный Бялик переезжает в ешиву в Воложине, где преподавали известные раввины XIX века.

Но Х.-Н. Бялика привлекла туда также возможность получить, кроме религиозного, и светское образование, изучать русский язык.

Наряду с бедностью будущий поэт познал и счастье: его очаровала красота Полесья с ее березовыми лесами, чередующимися с необозримыми полями и заливными лугами. Это оставило неизгладимый след во всем творчестве Бялика. Всю жизнь его не покидали воспоминания детства.

*B õññîæíîéî, è áääòñòáááæþáíîî
Ëþáéé îðèòæèòüññ, óèè áòèèèíá
Á áóóá î íæé æàæää î ññòéîî è ÷óáíîî
Óóí æà, áðñæèè, íññáíîî æéíá..
Áðñæé áúéî î íññ: è îòàèè, è î íèè,
Ë èóñò, è ááðæè, è èó:èá ãðéáíá
Ëóíá, ÷òî ñòóæèèáñ ñèÿò áîéîèè...*

(Ë áð Á. Æááíòèíñèñ)

Уже в раннем творчестве Бялика звучит мотив, роднящий величайшего еврейского поэта XX столетия с его великим средневековым предшественником Иегудой Галеви. В нем, как и у Галеви, сначала произвольно, потом осмысленно пробуждается ностальгическая тоска по исторической родине:

*Ëæé íèùéé, ñòîþ íáðáá íéáíé, î íññ:æé, áññéíé, áíññòíé,
Ë î ó:óññññáé íèùáòîþ, è ññðóá òáé óáí:áò óññññ:
Ë áÿ ááñ éíéñññ, æèæáÿé, í áÿ áááóáñ íñéáíðáòæé,
Ë áÿ ÿèè çáðíà îñññÿé, í á î í á è ññáðáòóááè çáðíà
Ë áñ æÿ èþáèþ òááÿ, í èáá, è áñðóá òíáþ ññáòîî,
Ë í á áññññ íéèèñññ íáðáðè-áðáòóÿ í á í èááò î íæé Ë æéññèíó.
Áúòóò î íæáò, áñò áÿòî î áññááíññññ è íòáá:áþò îðéááòîî
Ë á î í é î í è:æèèáíé, íñ ñòðáñññññ è ðéááò èç ááæéíé
÷æáéíó.*

(Ë áð Á. Æááíòèíñèñ)

Молодой Бялик, как и юный Галеви, посылает свой "молчаливый, но страстный привет" стране, которую никогда не видел, но она живет в его сердце, бережно хранившем предания предков.

По-видимому, под влиянием взрослых "одноклассников" (в молитвенной школе в Воложине с ним вместе учились старые евреи – знатоки еврейской истории и древних учений) Бялик в начале 90-х годов приступает к созданию автобиографической поэмы "Подвижник", которую завершил в 1895 году:

Еще сохранились на нашей чужбине

Çàáúò úá ì èðí, ãéðéá óæú,

Ááá áðáí èé í àø ñáò ì ÷ áúì èò ñý ì íí úí á

×óò ù àéáí í ì áðáý ì íá áðáí é çí èú,

Çàáéò úá áúø, óí úéúá áúø,

Í í ñéáí èá è ñéðú áí èú ó í á éí ñò ðá,

Òáì ÷ áóí óò, èáé ò ðááéá, ñðáú çí í ý è ñòø

Ááç ñðéá, ááç ñí úñéá, ááç çéá è áí áðá...

(Пер. В. Жаботинского)

И в этом забытом мире уголке "за печкой в одной из молелен-темниц" учится юный подвижник:

Í á ááí ú, í á í áááèð, í á ì áñý ì í çáí ýò, -

Ðáñò ú èáò á ýò ì ì áí ì á í ðí ááé ì í í í áðýá,

Çááñí ááò ñò áí çááýéí, è þí ì ñò ú óæ áýí áò,

È áí óááéè ú áéè, è áí ééí ýé áçáýá...

(Í áð Á. Áéáí ò è í ñéí á)

В 1895 году поэт вопрошал о своем народе: "Зачем он родился и гибнет без цели?" Спустя два года он напишет стихотворение "Да, погиб мой народ", которое закончит неожиданной (может быть, даже для самого себя) мыслью:

Áñéè ñò ýá è áçí áí ñò ñý, è áí í áí çááðáì è ò

Çáéè ò ðáú, í ðááááí áý í ááí éá éí í áò, -

Áñò ðáí áí áò ñý èè ò ðáí, í æ è ááò èè ì áðò ááò?..

(Í áð È. Þò ó á)

Конечно, можно не соглашаться, даже спорить с Бяликом – народ, пронесший учение предков и язык Торы через столетия, едва ли можно назвать трупом. Стихотворение это написано в конце XIX века, в пору реакции и расцвета антисемитизма. Десятью годами раньше поэт С.Я.Надсон написал свое знаменитое стихотворение "Я рос тебе чужим, отверженный народ":

*Í î á í à è à í è, è í ã à í î á à ð à í à í à ì ñ è î ð à è
ò ù ã à ó ù ñ à á : à è í è ò ù à ò í î æ ä à ó ù ñ à ñ à í ù ý,
á ò á à í è, è í ã à í à í î í à ç à à í è á "á à ð à è"
á ò ñ à ò ò í è í ù ç à ó : è ò è à è ñ è à í è î ò á à ð à è á í ù ý, -
è í ã à ò à í è á ð à à è, è à è ñ ò à ý æ à à í ù ò í ñ à
í à : à ñ ò è ð à ó ò à á ý, ð ù ñ à ñ ù í à á ò í à í ð, -
á à è ñ è ð í î í î ñ ò à ò ù è í í á á ð ý à ù ò à í è ò á í ð ò í à
í à ð í à, í à è æ á í í ù è ñ à ù à í ð.*

Но Хаим-Нахман Бялик вовсе не считал еврейский народ "обиженным судьбою": скорее всего, его мучили обида, боль за то, что "рабский страх пред бичом, пыль вседневных забот", "гнет цепей вековых" иссушили ум народа, и он потеряет веру "в грядущий рассвет". Уныние – грешно. Смирение с унижениями, безмолвие – непростительны. Цена расплаты за это – высокая: евреи черты оседлости в XVI веке познали гайдаматчину, в XVII – жесточайшие погромы, чинимые казаками Богдана Хмельницкого. Бялик каждым своим словом поэта-пророка призывал свой народ к возрождению, к борьбе:

*× ò í î è í ò ù à à ó à è, - à ù à è ù í á à í à è ù í î?
Á ù á ó ò í ò à à è ò á à í ñ à ù à í à ð í à í è ù í î?*

(Í à ð. Á ý : à ñ à à à È à à í í à à)

А если народ не воспрянет духом, то унижения и погромы неминуемы. 6–7 апреля 1903 года, в первый день христианской Пасхи, в Кишиневе и его окрестностях произошел жесточайший еврейский погром. Сотни убитых и раненых, искалеченные судьбы практически всей еврейской общины – вот цена, "уплаченная евреям" Кишинева не только за юдофобство Крушевана и его сподвижников, но и за то, что народ еврейский, "через ночь роковую скитаний бродя, ...веками не создал пророка-вождя". Здесь снова можно не соглашаться с Бяликом, достаточно вспомнить Реубейни, "еврейского рыцаря", попытавшегося поднять евреев средневековой Европы на борьбу с инквизиторами и вывести их в Палестину.

Можно возразить Бялику, но было бы несправедливо не видеть в нем пророка, который звал народ к борьбе за свою честь и достоинство. В своей маленькой поэме об Иисусе Навине он, напоминая о жертвах, принесенных народом во время Исхода из Египта, писал:

Í î áî áðáá, ááç áðñòè ì î ò áèáì î ò ò ááøèð
È áæ áááøèð í ááí è è ðááàì è ì ááøèð!
...Í óñòü èì ñèáèí ñ è ò ñý ááèü è è èðáè í ááí è è,
Í ðáèáñò è ñ í è í è í è, ññò í è, ðááí è í è áí è è...
Â ì óòü ááçáñò í ú è, í í áí è! È ðáè í ò ááü ò á è è è è,
Í î á áðáè áñò ì ðáà çáèóøè ò á è ðè è è!
Â í í áí è èðáè è ááøü ò ü, áá í á áóáá ò ì á í í,
Â èðáè, áá ðè áá áí áóáá ò ò ðáá è è ø ü ááçáñò á í í ú è
Áñò ü í á ááè ì ñá ò á, çà ì óñò ü í á è ñ í í è,
Èðáè ø è ðí è è è, áí è ü ú è, ñ è í ó áì í çáðá í ú è...

(Í áð È. Bó ó á)

В поэзии Бялика более всего поражает духовная свобода. Откуда явилась она к поэту, выросшему в местечке на Волыни?

И свобода его так естественна, что он желает внушить ее народу своему, смирившемуся с неволей, страхом и гнетом:

Í á ì ðññ á ò ñý í í ñáì ááç óááðí á á è ÷ á
Í á áññ ðý í á ò è áí ðñá ááç óáíç í á è ÷ á:
Óáá ò óáýáøè è, ññò í è è ðññ í á æ è á è ò !..

(Í áð È. Bó ó á)

В стихотворении "Да, погиб мой народ", опубликованном в 1897 году, Бялик обращается к теме гибели еврейского народа:

È í áíý ò ú è ò ý æ á è ü ì, áá è ò á è ü ü ì ñ í ì,
Í í è í áðá í á í í áí ý è ñý á í ðáá á í á í ì,
Í á í í ÷ óáñò á í á è ñ è è áñò ì ðáà í ðè è è á
Ñèü ø á ðááñò í ú è í ò è è è è í á ñ è í ðá í ú è í ðè ç í á
È, ññ í í á áí çáðá ì á í í ú è ó á è áý ñ á í è ò,

**Íí ðæè íáí ðíñòáð, è íáí ðéíýè íí èð,
 È á èþáñéíé ñúòá è ííá çíéíòà çáíí
 Áðíí í íã:éé çàòèð, Á-æéé æáñ çáæóóáí,
 È á íò ðáæáí ííí ñðááá ñðááí íí ðéúð óóáð
 Á-æüá ñéíáí äááí í áúçúááò èèóüíí áð..
 Äá, ííæá í íé íáðíä, íí é ííçíðóí ðéáíé,
 Áç ííðúáíá è äæé íí ííñòúáíí íííéé.
 Áíáð óáí áé áæíáíð - ááñí ðááæüíí úé ííçíð-
 Èñíðèè äáí óí, íñáí èè äáí áçíð
 Íí é íááíéá í ðéáíé, è äáí èèóüíí áðáð
 Ðááñééé ñò ðáð í ðáá áé:íí, í úéü áñáíí ááí úð çááíò.
 Èçáè äáýñí, èáè :áðáí, á ááçáí á í óéè è ááá,
 Ðáçáí í íæáð íí ááðèòúá áðýáóúèéé ðáñíáíò,
 Íí ðúááò úñý é äæéáéèí, íáçðèí úí èó:áí
 È ááúáòú ñáíá ñéíáí áðýáóúèè ááèáí ?..**

(Í áð È. Ðóóá)

К концу XIX и особенно в начале XX века революционная ситуация охватила Россию. Поэт-философ Бялик, конечно же, понимал, что "политическое невмешательство" в жизнь народов, среди которых жили евреи, явило бы собой его мудрость, ниспосланную ему Б-гом. Поэт понимал, что любая политическая активность евреев диаспоры, в черте оседлости тем более, может стать причиной катастрофы для них. И он убедился в этом, посетив Кишинев вскоре после погрома. Жестокость и зверство погромщиков были здесь сродни действиям средневековой инквизиции. Разрушены тысячи еврейских домов, ранены, изуродованы сотни людей, 49 человек погибли. Как известно, кишиневский погром осудили Лев Толстой, Владимир Короленко и другие русские писатели. Свои впечатления об увиденном и пережитом Бялик выразил в поэме "Сказание о погроме", которая стала классикой не только еврейской, но и русской литературы благодаря прекрасному переводу Владимира (Зеева) Жаботинского.

Известно (об этом еще будет сказано ниже), как повезло Бялику с переводами его поэзии на русский язык. И все же лучшим его переводчиком был Жаботинский. Сам Жаботинский вспоминает о своей работе над стихами Бялика: «Я жил тогда в Одессе. Были мы с поэтом Бяликом соседями по даче. Меня потрясли его стихи, и я решил перевести их. Он помогал мне в переводе – объяснял места оригинала, которые мне не удавалось понять. Мы сблизились в эти недели... В то лето я очень любил его за чрезмерную скромность. Я показал ему свой перевод на древнееврейский язык "Ворона"

Эдгара По, он предложил мне сделать несколько исправлений и в заключение сказал: "Но звучание искупает все"...

Я послал перевод стихов Бялика в различные издательства Петербурга: все они отказали, кроме одного, которое предложило мне четыреста рублей за отказ от всех прав, независимо от того, появится ли книга в одном или многих изданиях». Далее в "Повести моих дней" В. Жаботинский рассказывает о мытарствах с изданием книги стихов Бялика, о том, как ему удалось добиться своего: начиная с 1911 года за короткий срок вышло семь изданий книги "Бялик. Песни и поэмы. Переводы В. Жаботинского" тиражом свыше 35 тысяч экземпляров. Как отмечает в упомянутой книге переводчик, "...некоторые утверждают, что число читателей Бялика на русском языке превышало число тех, кто читал его на древнееврейском. Если это правда, то благодаря Бялику, не мне..."

А теперь вернемся к "Сказанию о погроме" в переводе В.Жаботинского:

*...Àñò àí ü è ì ðí é ä è ì ì ã ð í ä ó ð à ç í è ,
È ò ð ð í ü ñ ñ í ä è ð è é í é , è ç à è ð à ì è à ì à ç í ð à ò
Í ð è ñ ò è è í à ñ ò à ì è ä ò è è à ì í ý ò è ç à í ð à ò
Í ñ ò ù è ü è ì í ç à è è ð í à ì è ì è à ì è : ò í - Í Í È ..
È ç à è ý í è ò ú à ì í ñ ñ à à è ä ä ý í í é ,
Á ä ä à ñ ñ ò à á á ó í , à ì ò ù à ñ ñ ð í à ñ ñ à à
Í í ç í ð è è æ á í è ç ò à ì à ñ í à ð í à à -
Í í ñ à ì à ð í , ì ì ñ à ì à ð í ñ í à í í é .
Í à à à ì ÷ à ð í ð ñ à ð ò à è ì ñ ñ ñ à ì ü í à ñ è è è é ,
È ð ý à ì ì à ò ü ò ð è í à è à ì í à ñ è í ò ì ì :
Á à ñ ÷ à ñ ò è è è ì ð à à ò à ì , è à è è ò á è è è .
È à ñ à ì ù é ì è ã á è è í ñ ò à à .. è ì ò ì ì ,
È ì ì ñ ì í ò ð è ò ó à à : ç à ò í ð à ì ÷ è í é ,
È ç à à ñ ñ è ò à ì , ç à ð ù à è è é ñ ý à ñ ð á
Ñ ì í ò ð à è í ò à ò í à ò ì , ÷ ò í à ù è ì ñ à ì ÷ è í é ,
È ñ ñ í í à ì à ò ù è à ð à ò ù ý í à ñ à ñ ò ð á*

(Í à ð Á . È à à ì ò è í ñ è í à)

Владимир (Зеев) Жаботинский.

Поэма была создана в 1904 году, но сегодня она волнует читателя, быть может, не меньше, чем в пору ее написания.

*...Îãñî ïà ñèíðáü ïî è ïãñî áí ñðàì ,
È ÷ òí ïãñî ïáá - ïòááòü ñüí ÷ áèíáá-èé!
Èèüéó-øá ïðîí ïè-è... Î ïè-è! Ááç ñèíá è ðá-è
Èì ï ñòóää Î ïáì ñèèáòáèè òó áóüü
È, áñçáðòèèüáì ïé á òáíá ðíáí ïá ïèáì ÿ,
Ñíáè è ïèì Î ïé ïíçð è èì ïáðóüíá òáì ÿ,
È áíèü Î ïð áñçü è è áèáè èì ÿáì ï ááðüü
È, óñíáÿ, áüá ïá ïáñèíèèè ï áñíáí èé
Î ïì ááèè: áèðáá òááÿ èíááð òðááü ááñü ïáé,
Ðíèèñòóé, èñèðè òñÿ áñèÿíá è òáíéá
Ñíðáè òó áñðòü è áðíñü ïáçáá ïáá áèíáñð,
È ï ïéáè: Î ïé ïáðíá ñòáè ï áðòáñð òðááñð,
È ïáò áì ó ïáááèáü ïá çáì éá*

Нет, это уже не поэт обращается к народу, а сам Б-г, ибо, как писал Б. Пастернак:

*Èíáá ñòðíéó áèèòáò ÷ óáñòáí,
Î ï ïá ñðáí ó øéáò ðááá*

È ò ó ò è í ÷ à à ò ñ ÿ è ñ è ù ñ ò à ï,

È à ù ó à ò ï ï ÷ à à è ñ à ù à à

Читая и перечитывая поэму "Сказание о погроме", сегодняшний читатель не усомнится, что написана она не пером, а кровью и продиктована не столько чувством скорби, сколько гневом и любовью.

Самая жалкая сторона еврейского упадка.

Владимир Жаботинский пишет, что раздумывая о судьбах своего народа, «...в стихотворении "Вот она, кара Небес", Бялик подходит вплотную к самой печальной, самой малодушной, самой жалкой стороне еврейского упадка – к ассимиляции. Рост поэта слишком велик для обыденной полемики против людей или партий: он трактует ассимиляцию с высоты как судья, а не как противник и охватывает всю глубину этого уродства с редкой остротой анализа, обличающей в авторе мыслителя почти вровень ростом с поэта. Бялик не останавливается на видимых признаках болезни, таких как утрата национального языка или забвение национального прошлого. Он подходит прямо и непосредственно к самой душе ассимиляции, вскрывает и расчленяет без жалости эту маленькую, съжившуюся душу – и не находит там ничего, кроме самого глубокого, самого безграничного из унижений. Что особенно поражает поэта, это – искренность рабства, рвение и усердие не за страх, а за совесть, вносимое денационализированным евреем в свою барщину; это не просто порабощенный человек, несущий ярмо по принуждению, это – раб сознательный, раб с увлечением, охотно целующий руку. "Величайшей из казней Б-жьих" называет Бялик эту извращенную черту, эту способность внутреннего приспособления к неправде, это умение "отрекаться от собственного сердца"».

Вопреки мнению Ленина, считавшего ассимиляцию евреев в России процессом не только прогрессивным, но и единственно перспективным, Бялик в течение всей своей жизни испытывал искреннее презрение к ассимиляции. В предисловии к книге о художнике Л. Пастернаке (Берлин, 1924) он пишет: "Душа их (ассимилированных евреев. – М.Г.) была отрезана от своего народа. Кровь их народа представляется им чересчур бедным и тесным, чтоб поселить там свою широкую душу, и, выйдя искать великие дела вне его границ, они забыли его стезю навеки. Единственная дань, которую они отдали своему народу, была только несколько капель крови при обрезании, вскоре после рождения, и холодный труп – могиле на еврейском кладбище под конец, после смерти. Все остальное, все, что между этим: свет их жизни, мощь своей молодости, избыток духа и изобилие силы, крики души и биения сердца, все сокровенное и дорогое, накопившееся в их крови силой поколений и заслугами предков, – все это они принесли добровольно, как всесожжение на жертвеннике Бога чужого народа". Упомянув о таких выдающихся явлениях искусства, как "Слепой портной" Антокольского, "Писец Торы" Израэляса, Бялик не просто упрекает, а обвиняет этих художников едва ли не в предательстве своего народа только за то, что преобладающими в их творчестве были русские темы.

Патриархи еврейской литературы, слева направо:

Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Бен-Ами, Бялик.

Здесь можно не только не согласиться, но и спорить с Бяликом. Да и Л.Пастернак в своем письму к нему отмечает, что еврейского искусства в России в ту пору еще не было: "Быть оно может только на родной своей земле, ибо всякое национальное искусство исходит из родной жизни и ею живет". И с этой точки зрения как армянин Айвазовский, так и евреи Антокольский и Левитан – русские художники. Картину "Вечерний звон", одну из самых проникновенных своих работ, Исаак Левитан написал в 1892 году, в пору изгнания евреев из Москвы (в тот год из Москвы были выселены 20 тысяч евреев – практически все, кроме купцов 1-й и 2-й гильдии). Оказавшись по состоянию здоровья в Ницце, он написал художнику А.М.Васнецову: "Воображаю, какая прелесть теперь у нас на Руси – реки разлились, оживает все... Нет лучше страны, чем Россия!" (весна 1894). Можно понять Левитана...Можно понять и Бялика, ибо не видеть его искреннего желания сохранить не только еврейскую культуру, но и евреев как нацию, было бы неправильно.

Бялик понимал, что активное включение евреев в социально-политические процессы в России не принесет им духовной свободы, а вероятнее всего, приведет к их полной ассимиляции. Помнил он, что Исход евреев из Египта был обусловлен тем, что они хранили верность своему языку, своим обычаям, своим именам. И, разумеется, он не мог воспринять мнения Сталина о том, что евреи – это общее название различных народностей, объединенных общим происхождением от древнееврейской народности, жившей в Палестине до первых веков нашей эры.

Время многое поставило на свои места. В российских изданиях последних лет встречаются статьи, в которых евреи определяются как народ. А вот с понятием "ассимиляция" – сложнее. Состоялась ли она в Советском Союзе? Думается, нет... А как же имена русских поэтов, больших русских поэтов - Пастернака, Мандельштама, Маршака, Слуцкого? Не являются ли они свидетельством того, что она все-таки состоялась? А огромное количество смешанных браков?

Однако, если считать, что ассимиляция состоялась, то как объяснить возникновение жгучего интереса к своим историческим корням нынешней еврейской молодежи? И чем объяснить массовую эмиграцию, по сути исход, евреев в Израиль, в страну, где жизнь сегодня непроста и небезопасна? Чем объяснить сегодняшний ренессанс еврейской общинной жизни в России? А если такова сегодняшняя реальность, то Х.-Н. Бялик, по-видимому, был совершенно прав, написав:

Í àì è ì ì àðüíá ñò ðàøíà - óæ ííà

Í àñ ääáí î ìñëáí èèà

È á ðíò í àì í ðí ääèà óçäú

Í à ðíò àò ó í àñ - æè í áí çðí æ äáí üÿ

È ñ í èì í í ä çâí è èì äèèà

Í ù áí äñíàà äíí èÿøáí á á ðáäü..

(Í àð Á. Èäáí ò è í ñ è í ä)

Поэт, своей жизнью и творчеством сделавший все, чтобы вернуть народу Гимн свободы, имел право после кишиневского погрома с такой шекспировской силой воскликнуть:

Эй, голь на кладбище! Отройте там обломки

Святых родных костей, набейте вплоть котомки

И потащите их на мировой базар

И ярко, на виду, расставьте свой товар:

Гнусавя нараспев мольбу о благостыне,

Молитесь, нищие, на ветер всех сторон

О милости царей, о жалости племен –

И гнийте, как поднесь, и клянчьте, как поныне!

(Í àð Á. Èäáí ò è í ñ è í ä)

Бялик в 1903 году.

Переводчик от поэта только языком разнится...

Удивительный парадокс: быть может, самый национальный еврейский поэт, поэт, возродивший стихосложение на языке Торы, оказался первым еврейским поэтом, в русской культуре не только замеченным, но и признанным, переведенным на русский язык самыми значимыми поэтами Серебряного века. Стихи Бялика "Истинно, и это – кара Б-жья", "Завод", "Младенчество", "Да будет удел наш безмолвный..." перевел Вячеслав Иванов, поэт, по мнению Н.А.Бердяева, ставший центральной фигурой русского культурного ренессанса начала XX века, самый замечательный человек эпохи, богатой талантами. Первое из этих стихотворений, "Истинно, и это – кара Б-жья", было воспринято как явление мировой поэзии. Написанное в 1905 году под впечатлением увиденного в Кишиневе после погрома, в блистательном переводе Вячеслава Иванова, оно сделало трагедию еврейского народа трагедией и русского народа.

Очаг развалился, мяучит во мгле

Голодная кошка в остывшей золе:

Застлалось ли небо завесою пепла?

Потухло ли солнце? Душа ли ослепла?

Лишь крупные мухи ползут по стеклу,

Да тклет паутину Забвенья в углу.

В трубе с Ниццою Тоска завывает,

И ветер лачугу трясет и срывает.

Представляется интересным привести этот же отрывок из упомянутого стихотворения в переводе В. Жаботинского:

Ὀδὴ τὸ ἀλάττωμα - οὐρανὸς, ἐστὶν ἐν ἀστέρι τῷ οὐρανῷ

Ἰσοῦς ἐστὶν τὸ πῶμα ἐν τῷ οὐρανῷ

Ἐν τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ οὐρανῷ: τῷ οὐρανῷ - ἐστὶν ἡ οὐρανῷ

Ἄ τῷ οὐρανῷ - οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ ἐστὶν τῷ οὐρανῷ

Ἄ τῷ οὐρανῷ - τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ ἐστὶν τῷ οὐρανῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ

Ἰ τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ

Ἐ τῷ οὐρανῷ, τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ ἐστὶν τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ ἐστὶν

Ἄ τῷ οὐρανῷ τῷ οὐρανῷ, τῷ οὐρανῷ..

Сравнивая эти два перевода, еще раз пожалеешь, что не знаешь языка, на котором писал Бялик. Кто точнее передал еврейскую трагедию – Вячеслав Иванов своим переводом: "Застлалось ли небо завесою пепла?/ Потухло ли солнце? Душа ли ослепла?" – поэт, не знавший языка оригинала, или В. Жаботинский, эту же мысль выразивший словами: "И сядете в скорби тупой: снаружи – ливень унылый,/ В сердце – груда пепла и праха..." Вопрос этот в данном случае сам по себе риторичен... Впрочем, отчасти на него ответил русский поэт Третьяковский, сказав, что "Переводчик от творца только именем разнится". Сам же Бялик по поводу переводов говорил: "Читать поэзию в переводе – как целовать женщину через вуаль". Впрочем, рассуждения эти иррациональны, в каждом из них есть доля юмора, шутки, но немало и серьезного.

Здесь, по-видимому, уместно вспомнить стихи поэта А.Межирова:

È áí îáíèç ãëóáíã äüì à

Âñòààò ìíýçèÿ, -

Îíà

Áíááèè íáíáðááíáèì à -

Ðíáíîò óÿçúéó ááðíà

Однако совершенно очевидно, что без переводов не было бы понятия "всемирная литература" и даже Шекспир или Гете оставались бы поэтами национальными. Истинная же литература в определенном смысле наднациональна, оставаясь при этом национальной. Не оставляет сомнений, что и сегодняшний читатель в России с благодарностью будет произносить имена талантливых русских поэтов, подаривших нам достойные переводы Бялика.

В заключение этой части очерка хотелось бы привести одно из лучших стихотворений Бялика "Так будет – найдете вы летопись сердца" в замечательном переводе Федора Сологуба:

È äëëëáñíí ì íëëèòáà, èàé áí è áñ æèçíè,

Îí Áúóíÿÿ ñëëà

Áàëà, ÷òí íáíááí, - á äëèíé í ääæää

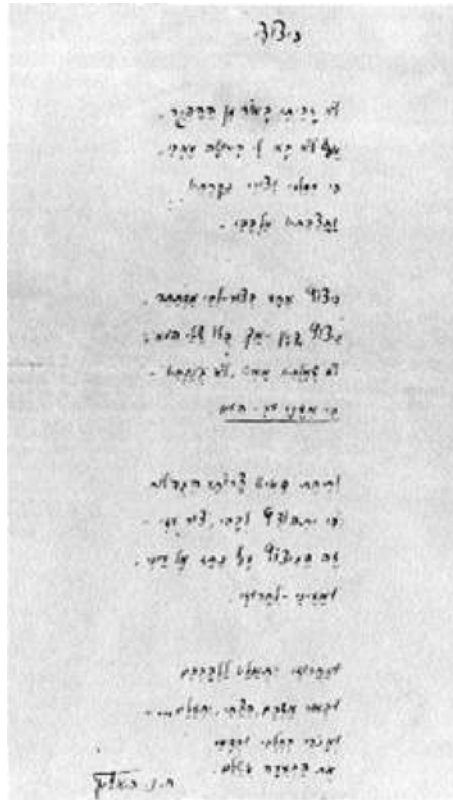
Îòéàçàíí áúëí.

Áí ñ áðòè äóóà íáíò÷àÿëáñííá Á-áí

Æääëà óòáóáí úÿ,

È ñáðäüá ì íëëèíñí, è òí áðëí ñáðäüá

Áí áðáí ÿ ì íéáí úÿ.

Рукопись стихот

ворения Бялика "Ницоци" – "Моя искра ".

Палестина в судьбе Хаима-Нахмана Бялика

Впервые на Землю Обетованную нога Бялика ступила в 1909 году. Его сразу же удивило и восхитило многое, но прежде всего энтузиазм, с которым новые поселенцы-евреи осваивали новую жизнь, их вера в будущее. И еще поэт увидел, как популярно его творчество на этой древней земле. Его стихи изучали в школах, их перекладывали на музыку...

Разумеется, сердцем и разумом он давно уже бродил по этой земле, бредил ею, она была для него и началом Торы, и ее продолжением.

Окончательно же в Палестину Бялик переехал спустя 15 лет, в 1924 году.

Почему так затянулось его возвращение в страну, которую он так любил и о которой мечтал? Он давно понял, что "евреи, оплодотворяющие мировую культуру, подобны рабочим, которые трудятся на фабрике, принадлежащей другим. Принадлежащей не им, а, добавлю, владельцу..." Он продолжал жить и работать в Одессе, надеясь возродить иврит и еврейскую культуру на этом языке в России.

Бялик с друзьями в Палестине. 1909 год.

Что же еще "удерживало" Бялика в России после его первой поездки в Палестину? Возможно, он надеялся на победу социализма в России, так как издавна считал, что "социализм в лучшем его проявлении есть плод еврейского духа..." Но вскоре жизнь развеяла его надежды.

С первых лет, пожалуй, даже с первых дней своего существования советская власть повела жестокую атаку не на евреев, а на иврит. Бялик, убежденный в том, что язык – это кристаллизованный дух народа, не мог примириться с этим. В 1921 году он едет в Москву, обращается к своему старому другу и почитателю М. Горькому, чтобы тот ходатайствовал перед Лениным о разрешении ему, Бялику, выехать за границу. Горький выхлопотал ему такое разрешение. Сохранилось любопытное свидетельство об этом приезде Бялика в Москву. В письме к Максимилиану Волошину от 14 марта 1921 года Марина Цветаева сообщает: «Сейчас в Москве Бялик и еврейский театр "Габима", режиссер Станиславский». Это свидетельство и того, что лучшие поэты Серебряного века знали Бялика.

После некоторых мытарств осенью 1921 года Бялик оказался в Берлине, где он вскоре создал еврейское издательство, "чтобы свеча еврейских знаний не погасла в чужих краях..." В ту пору в Берлине жил весь цвет идишистской культуры бывшей царской России: Д. Бергельсон, Д. Гофштейн, Л. Квитко, П. Маркиш.

Бялик (в центре) среди лидеров еврейской общины и преподавателей школ Яффо во время его первого посещения Палестины. Слева от него – Равницкий. 1909 год.

В Палестину Бялик приехал в 1924 году, дом его в Тель-Авиве стал истинным центром литературной жизни возрождающегося Израиля (впоследствии в этом доме будет создан мемориальный музей Бялика). В августе 1925 года поэт в составе палестинской делегации выезжает в Вену для участия в работе 14-го Всемирного сионистского конгресса. Интересно, что в работе этого форума участвовали члены австрийского правительства, а также Альберт Эйнштейн. Вернувшись из Вены, Бялик настолько увлеченно занялся делами культурной жизни палестинских евреев, что даже перестал писать стихи. Он сотрудничал с театром "Габима", в 1926 году приехавшим в Палестину, внес свою лепту в создание Еврейского университета в Иерусалиме, был одним из инициаторов основания Художественного музея в Тель-Авиве. На открытии университета в Иерусалиме Бялик произнес пророческие слова: "Мы должны поторопиться и зажечь здесь первый светильник образования, науки и всех родов интеллектуальной деятельности а Израиле, пока свеча еврейских знаний не погасла в чужих краях". Бялик много ездит по Европе, рассказывая о жизни евреев в Палестине. Художник Леонид Пастернак, наблюдая эту сторону деятельности Бялика, как-то заметил: "Мне кажется, что в Бялике слишком много от просветителя". И в сегодняшнем Израиле просветительский след поэта сохранился в духовной и культурной жизни страны.

Рисунок Ицхака Франкеля. Тель-авивский чистильщик обуви трудится над башмаками Бялика.

"Вещать свое слово грядущим векам..."

В чем особенность Бялика? Он был поэтом-пророком, ревностным хранителем языка иврит, культуры и истории народа, его породившего. Находясь под влиянием Ахада-ха-Ама, основателя духовного сионизма, Бялик с благоговением и благодарностью относился к нему, не раз посылая ему свои "благословения".

В своей статье "Галоха и Агода", написанной в начале века, в пору, когда Бялик был уже активным участником сионистского движения, он писал: "У Галохи – лицо суровое, у Агоды – улыбающееся. Первая педантична, строга. Вторая – уступчива, снисходительна". Бялик утверждает, что Агода со своим "поэтическим ароматом, стремительным и подвижным стилем есть сфера непосредственного чувства".

Бялик и Шагал на скачках в Тель-Авиве. Крайний справа – главный сефардский раввин города рабби Бенцион Узиэл. 1931 год.

Поэзия Бялика – это и есть Агода в наивысшем ее проявлении. Можно в подтверждение этого привести немало его стихов, но ограничимся отрывком из

упомянутой статьи: "Целый ряд поколений и слоев еврейства грешили по отношению к Агоде, прерывая жизненную связь между нею и собой".

В 1909 году Бялик вместе с известным еврейским журналистом и мыслителем И. Равницким издал антологию сказаний, притч, цитат, изречений из Талмуда и Мидраша, назвав ее "Агодой" Переводы для этой книги были выполнены поэтом С.Фругом, писавшим на русском языке. Очевидно, что лучшие стихи Бялика могли быть написаны только поэтом, по-настоящему знающим и искренне любящим Агоду. В подтверждение этой мысли приведем лирическое стихотворение, чем-то напоминающее стихи из "Песни песней":

Ī āēāó ōēāñī ē Āāóđāò ĭī
Ī ā ĭđēāđēā, ĭā āđāāò ĭī,
Ā ēēñōūyō ĭāēūū ū, āñy āēēñōāy,
Ēĭyāēò ĭāāā ċĭēĭòāy.
B āçĭ ĭēēāññĭ çēāò ĭēđūēĭé:
Ōū ññūè ĭ ĭā, āā ĭ ĭé ĭ ēēūé!
Ī ĭāōāāò è āñ ĭā ĭ āñā
Ē, ññyçāā, ōĭ ÷è ē ĭāññōā

Ā ĭā ññyāāōū ēēē ĭā:āĭ, -
Ēēēēĭ ē çĭāñĭ ÷āēĭāñ:ūēĭ
Ē ñēāæè... Ā ÷òĭ - ĭāçĭāp...
Ōū ñēāæè, ÷òĭ y ññđāp.

Ñēāæāōū ññā đāññāē āĭñòĭ,
Ē çāđāññy ĭēĭā āñāĭ àòā -
Ī ĭ çāĭ ēē-āñđĭòā ōāēū,
Ē ĭā ñđāāĭ ĭēĭā ñçāēūé.
...Āĭò è ĭĭ:ū Ōōĭ āĭ ĭđĭĭçāy,
Āçĭ ūēā ĭāāā çĭēĭòāy,

Áçì ùèà é íááó è ìðííáèà -

È íáúýòüà í á ñüáðæ àèà

È ñóòðà áí òàì ííé íí:è

Í íáüì àð é òó:èàì í:è:

Óó:èè, ááèüá òóì àí ú,

Ááá æá ì èèüé ì íé ææáí íúé?

(Í àð Á. Áæáí ò è í ñéíá)

Школьники Ишува поздравляют Бялика с 60-летием.

Рисунок Нахума Гутмана. 1933 год.

Весьма интересно стихотворение Бялика "Последнее слово", написанное им в начале века на иврите и им же переведенное на идиш. В 1905 году это стихотворение было переведено на русский язык С.Я.Маршаком. Состоялось ли знакомство этих двух поэтов – сведений об этом нет. Но в 1905 году, находясь в Ялте в семье Горького, опечаленный известиями о еврейских погромах в России, Маршак пишет В.В.Стасову: "Много работаю, масса читаю и пишу. Взялся я переводить Бялика. Что за чудный поэт! Какая сила!" До нас дошел лишь один перевод Маршака из Бялика:

Áææòüü áü áüááòá èàé òáí è,

èç èðàý á èðàé, èç áíì à á áíì,

è áüáá ááüü áüòðáò èò íñéíðáéáí èé,

*éàé í èùèõ íà í èðó÷æíî.
Í ðñèòüííéääò á ðàäè Á-ã,
íãñ í ðáðáí èÿ í á:àòü
Á ðæèùá ðòíÿ ó í í ðñã,
íà:íàò á ðáí ú í ò è ðñíáòü
òñèíá í í éáçíáàòü ðñáà,
è ðæó ææéíáí í í ðñò ðáò á
è í èçéí ãñèíáò í ðèã áò á
í ðññ íãñ:ãñò í íã ãñèà
È ààí çáí èÿ í íæéíé ðòáíáò,
ááçááçáí í é áóáàò áàà í í:ü
è æèçíü èàè í áðòáíé èèñò, óáÿíáò,
áàà ðò í í ðáçááò æèðñí í ðñ:ü
Óæ ãñí ãñáí èò, éáàò ãñçà
Í ðñòü òÿææè í ááàò ðèáà,
èàé ááñí í áà í áí ðñíáí í úé ãñáñ, -
áí áñ óñèúèèò á èèèü ðñ áñ
Áààè í í èñíáí í á ãñèáòÿò
áñ ò ðñíá à áñ:í íã Óáí ðòá
Ááñ æèðñí óí ÷èò, í íæíòèò àã
àá ááç ãñáí èè è ááç èííòá*

Значимость великого поэта не просто определить словами. Быть может, наибольшая заслуга Бялика перед своим народом в том, что он первый из поэтов диаспоры, отрицая жалобы, нытье, плач как формы существования евреев, проклинает все эти понятия и призывает народ к борьбе за воплощение высокого еврейского духа, за самоопределение. Только это может сделать еврейский народ воистину свободным, позволит ему сохранить свою самобытность среди других народов, с которыми он на протяжении ногих веков живет бок о бок.

Творчество Бялика войдет в Книгу Книг еврейской поэзии, а имя его навсегда останется в истории нашего народа.

Похороны Бялика в Тель-Авиве. 1934 год.

Повествование о Хаиме-Нахмане Бялике хотелось бы закончить словами М. Горького: "Для меня Бялик – великий поэт, редкое и совершенное воплощение духа своего народа, он – точно Исая, пророк, наиболее любимый мною, и точно богоборец Иов... Мне кажется, что народ Израиля еще не имел – по крайней мере на протяжении XIX века – не создавал поэта такой мощности красоты".

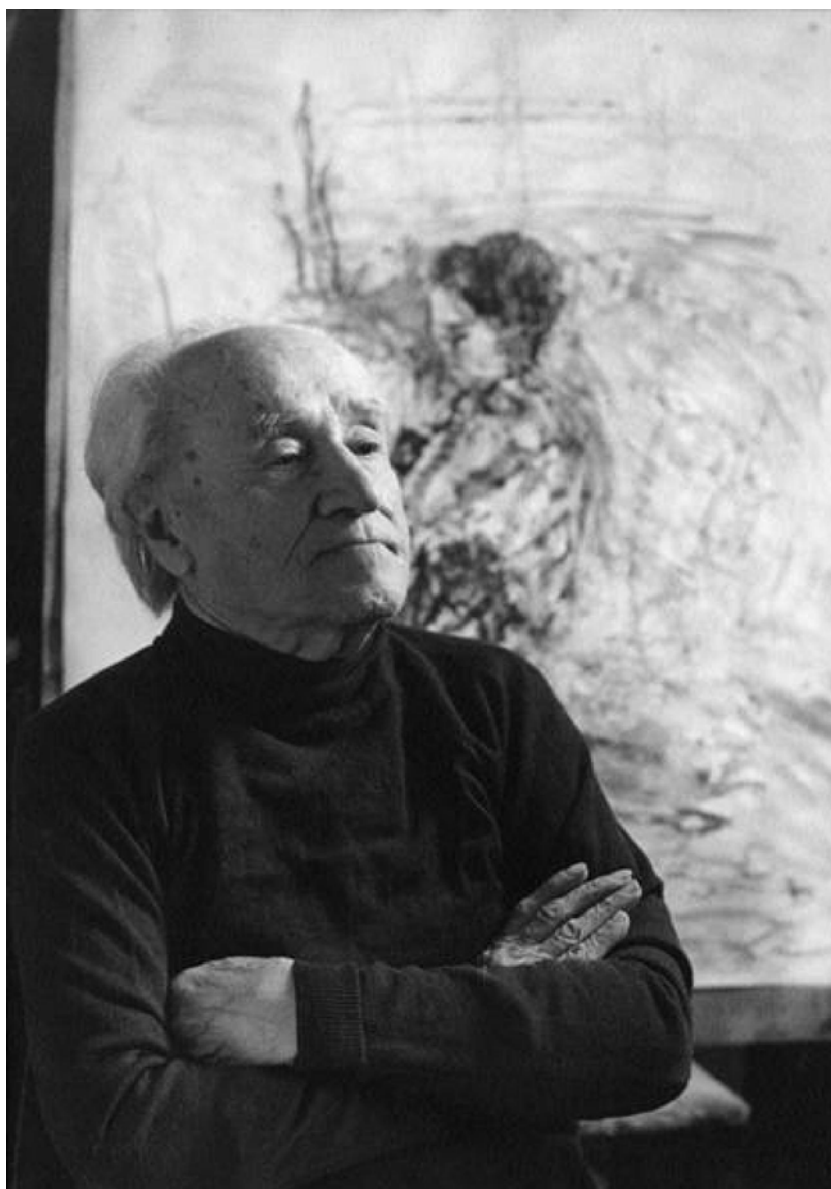

Израильская марка, посвященная Бялику. 1958 год.

ИСАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЗЕЙТМАН: ХУДОЖНИК И ФИЗИК

יֵסָאָה אִיִּזְעַק

Осенью прошлого года после посмертной персональной выставки художника И. М. Зейтмана его семья преподнесла Третьяковской галерее пять его работ. Генеральный директор Всероссийского музейного объединения "Государственная Третьяковская галерея" член-корреспондент Академии художеств В. А. Родионов написал дарителям: "Государственная Третьяковская галерея выражает Вам глубокую признательность за принесение в дар произведений Исаия Михайловича Зейтмана... Благодаря Вашему дарению коллекция акварели второй половины XX века пополнилась превосходными листами высокого художественного достоинства, в которых отражены редкая цельность и острота мироощущения этого мастера, воспевшего в живописи и графике красоту старой Москвы..."

Родился Исай Зейтман в 1899 году на юге Украины в г. Александрии (ныне Кировоградской обл.). Мальчику было 6 лет, когда скончался его отец. Матери надо было содержать семью, в которой росло пятеро сыновей (один умер в младенчестве), младшему исполнилось только полгода. Закончив акушерские курсы, она получила обширную практику.

После хедера Исай поступил в местную классическую гимназию. Через его дядю, нотариуса, проходило оформление многочисленных торговых сделок города, специализировавшегося на торговле пшеницей. Дядя состоял членом попечительского совета гимназии, и его ходатайства за племянников всегда удовлетворялись.

Уже в гимназические годы Исай много рисовал. Кто-то обратил внимание на его работы и рассказал о них местной помещице, выпускнице Петербургской Академии художеств, ученице известного живописца и педагога П.П. Чистякова. Талантливая женщина собрала вокруг себя несколько способных к рисованию юношей и занималась с ними. Среди них были и конторщик, и солдат местного гарнизона, и несколько гимназистов, в том числе Исай Зейтман. Альбом с его рисунками она возила в Академию художеств, где подтвердили способности юноши. Интересно, что этот альбом сохранился до сих пор. Между прочим, помещица, оценившая дарование Зейтмана, была матерью ученого А. Л. Чижевского, одного из основоположников гелиобиологии – раздела биофизики, изучающего влияние активности Солнца на организмы животных и человека..

20-е годы.

С первого класса гимназии И. Зейтман начал давать уроки, забежим вперед и скажем, что в будущем он станет незаурядным педагогом. В раннем детстве мальчик уже много читал и проявлял интерес к различным областям науки. По окончании гимназии Исай мечтал получить художественное образование. Но события в стране не позволили осуществиться этой мечте.

Во время гражданской войны в Александрии часто менялась власть. В период, когда в городе действовала банда Н. Григорьева, там происходили еврейские погромы. Врываясь в дома с криком "Жида есть?", григорьевцы убивали евреев. Семью Зейтмана соседи не выдали бандитам.

Вслед за Исаем, уехавшим в Москву в 1920 году, постепенно все члены его семьи покинули Александрию. Гимназический товарищ Исая, к тому времени получивший комнату в коммунальной квартире, поселил его у себя. В этой квартире жил один из братьев Гранат, издателей фундаментального Энциклопедического словаря.

Автопортрет. 1930 год.

В год приезда в Москву Исая был призван в армию и отправлен в Петроград. Новобранцев спешно готовили к боевым действиям. Солдат И. Зейтман, улучив короткое свободное время, наведаясь в Русский музей, где, с интересом рассматривая экспозицию, познакомился с одним посетителем музея, искусствоведом. Высказывания солдата о картинах поразили последнего. Случайная встреча явилась для Исая судьбоносной. Через несколько дней после нее Зеймана вызвали в Политотдел и направили в распоряжение его библиотечного отдела, который вел работу в различных армейских подразделениях. Это произошло по рекомендации нового знакомого Исая. Два года провел он на этой службе. В Петрограде тем временем кипела бурная культурная жизнь: это и частые концерты, на многих из них пел Ф.И. Шаляпин; и многочисленные поэтические вечера с участием известных поэтов. Исая по мере возможности посещал их.

Отслужив в армии, И. Зейтман вернулся в Москву. Сначала он устроился в библиотеку Дома Союзов, располагавшуюся на хорах его Колонного зала. В этом зале проводились важнейшие заседания – конгресс Коминтерна, съезды партии, и Зейтман мог видеть и слышать руководителей коммунистической партии. Сам он в партию не вступил, считая ее ответственной за огромное количество пролитой крови во время революции и после нее.

Однако, будучи патриотом, Исая полагал, что новой России нужны не художники, а специалисты в разных областях науки и техники. Он оставляет намерение получить художественное образование и поступает на физико-математический факультет 2-го Московского университета. С биржи труда молодого специалиста в 1934 году направляют в качестве учителя математики и физики в детскую еврейскую школу-коммуна, расположенную в подмосковной Малаховке. До его прихода там вел уроки рисования ставший впоследствии знаменитым живописец и график Марк Шагал. Преподавание в школе велось на идише, который Исая изрядно подзабыл после хедера. В виде исключения ему разрешили преподавать на русском языке.

40-е годы.

Работу в школе Исай Михайлович совмещает с учебой в вечерней студии живописца и театрального художника К.Ф. Юона, автора жизнерадостных, пленэрных пейзажей, жанрово-пейзажных и тематических картин. Студию Зейтман посещал шесть лет. Написанная в ней картина "Девочка с кошкой", получившая высокие оценки, была рекомендована на Парижскую международную выставку 1937 года, но Исай не решился с ней расстаться, опасаясь, что она может пропасть. Отказался он и от учебы в Академии художеств, куда был рекомендован, считая, что в сорок лет поздно начинать учебу.

После трех лет работы в школе И. Зейтман переходит в Московское высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана, где с 1937 года преподает курс оптики. В МВТУ он оставался почти четверть века, до выхода на пенсию. Одновременно он был внештатным сотрудником, так называемым часовиком, на кафедре физики одного заочного института. Вскоре почти все преподаватели этой кафедры были репрессированы. Как уцелел Исай Михайлович? "Видимо, потому, что не состоял в штате", – полагал он сам.

Его лекции слушали студенты и специалисты, среди них некоторые наши космонавты. Во время экзаменационной сессии к нему выстраивались очереди студентов, они рассчитывали на его справедливость и доброжелательность. Когда стипендию перестали платить студентам с тройками, он старался как можно реже их ставить.

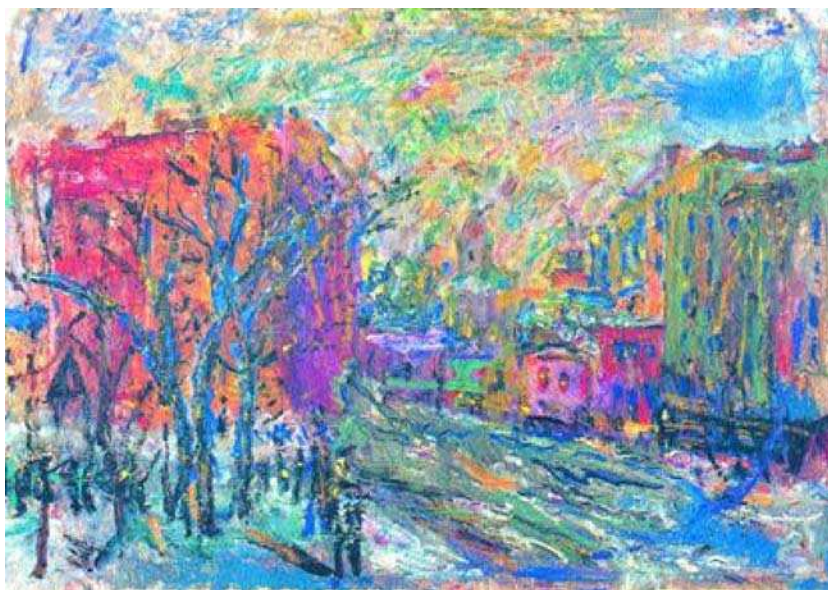
Наряду с преподавательской работой И. Зейтман занимался научной деятельностью. Им опубликовано большое число статей. Перед войной он собрал материал для кандидатской диссертации.

50-е годы.

Во время войны Исай Михайлович, его жена Генеса Давидовна и единственная дочь Майя эвакуировались с МВТУ в Ижевск. Весь диссертационный материал потерялся, и ученый никогда не пытался его восстановить. В Ижевске он много рисовал. Почти все его работы того периода выполнены на обратной стороне экзаменационных билетов, тем не менее они хорошо сохранились.

Вернувшись из эвакуации, Зейтман с энтузиазмом, еще больше, чем раньше, занимается коллекционированием книг по искусству. Он покупает новинки и букинистические раритеты, обменивается с другими коллекционерами. И рисует, рисует... Летом, отдыхая в Доме творчества писателей в Коктебеле, он с раннего утра работает на природе. Там им созданы замечательные пейзажи восточного Крыма.

Остоженка. 1963 год.

Среди его произведений много пейзажей разных уголков России, Крыма и Прибалтики, портретов родных и близких ему людей.

Искусствовед В. Мейланд писал о нем: "Зейтман как физик-оптик и как художник оставил для себя только природу и искусство и растворился в них... и вообще все, что бы он ни писал маслом или акварелью, неизменно становилось живописной драгоценностью. При этом он никогда не прибегал к этнографической конкретности и

иллюзорной детализовке. Ему достаточно было найти и обозначить природную драгоценность без ремесленной полировки граней".

Работы И. Зейтмана высоко оценивали известные мастера – Р.Р. Фальк, А.В. Фонвизин, А.В. Куприн, А.А. Осмеркин. В его творчестве прослеживается влияние французского искусства второй половины XIX–начала XX века – импрессионизма и постимпрессионизма. Однако у него, как и у других русских мастеров, испытавших влияние этих направлений, выработался свой индивидуальный стиль.

Выйдя на пенсию в 60 лет, И. Зейтман целиком посвятил себя живописи. Писал он ежедневно. В 80-е годы им созданы композиции по мотивам французских и русских поэтов – Ш. Бодлера, А. Ренье, А. Пушкина, А. Блока.

Подсолнухи. 1970 год.

Все, кто общался с Исаем Михайловичем, отмечали его поистине энциклопедические знания, прекрасную память. Он владел французским и немецким языками.

Первое участие Зейтмана в выставках относится к 1933 году. Это была выставка художников-любителей. Спустя полвека состоялась его персональная выставка в Центральном Доме литераторов, организованная по инициативе ряда писателей, знакомых с работами художника по Коктебелю. В Коктебеле же в музее М. Волошина в 1990 году была проведена его персональная выставка. Через два года он участвовал в первой выставке галереи "Станбет" в Москве, а в 1993 году – в той же галерее в Финляндии. Затем, в 1994 году, следует персональная выставка в художественной галерее Калининграда.

В 1996 году Исай Михайлович скончался. А осенью 1999 года состоялась посмертная персональная выставка, приуроченная к его 100-летию. Телеканал "Культура" приурочил к этой дате фильм "Время Зейтмана", который демонстрировался несколько раз.

Ряд деятелей искусства и литературы обратился к мэру Москвы Ю.М. Лужкову с просьбой организовать музей художника. В этом обращении говорится: "В районе Остоженки с 1923 года жил Исай Михайлович Зейтман, который помимо науки

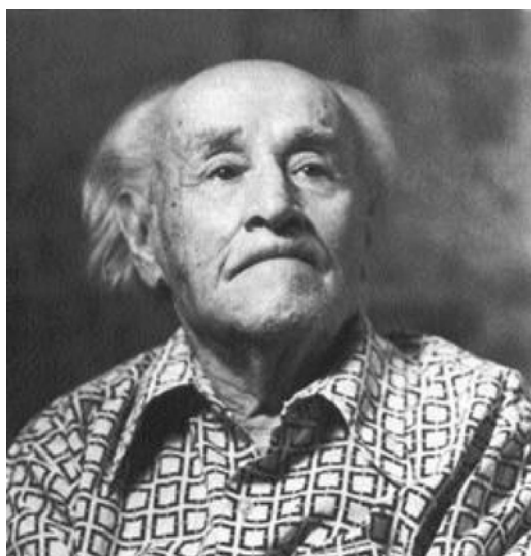
всю жизнь посвятил искусству. Его любила блестящая плеяда художников, он оставил после себя уникальную коллекцию работ.

60-е годы.

Выставки, которые прошли в 80-х годах и уже в наши дни в связи со столетием со дня рождения мастера, красноречиво говорят о его таланте.

Исай Зейтман унаследовал и творчески усвоил замечательные традиции русского и французского искусств начала века. Они воплощены в его картинах, связанных с одним из самых красивых уголков столицы – Остоженкой.

90-е годы.

Это та старая Москва, которая уходит из жизни и заменяется новой архитектурой, новой культурой. Но мы должны знать свое прошлое, и коллекция картин Исаия Зейтмана, исполненных подлинной поэзии, – историческая память об Остоженке.

Мы очень хотим создать музей этого собрания. Он послужил бы началом собирательства пейзажа старой Москвы, началом создания небольших мемориальных музеев..."

Письмо мэру подписали народный художник СССР академик Т. Салахов, член-корреспондент Российской Академии художеств

П. Никонов, народный художник России М. Митурич, лауреат Государственной премии России Ф. Инфантэ, художник Ю. Злотников и литератор В. Некрасов.

У И. Зейтмана не было ученой степени. Не состоял он и в Союзе художников. Для него, говоря словами Б. Пастернака, "Цель творчества – самоотдача, / А не шумиха, не успех".

Работы художника Исая Зейтмана украшают залы музея искусств Феодосии, они хранятся во многих частных коллекциях в России, США, Австрии, Германии и Финляндии.

Сирень. 1973 год.

СТОИТ ЛИ О НЕМ ВСПОМИНАТЬ?..

Аידען אױס יא

Леонид Черток. Кто это такой? Вряд ли многие ответят на этот вопрос. Но вот что пишет о нем писатель Анатолий Рыбаков, романы которого, как известно, основаны на достоверных фактах: «Черток, самый страшный следователь в аппарате НКВД, садист и палач, держал арестованного на "конвейере" – по сорок восемь часов без сна и пищи, избивал нещадно, подписывал в его присутствии ордер на арест жены и детей...»

Откуда же этого страшного человека знаю я?

Сестра моей жены Соня как-то познакомилась на катке с высоким молодым человеком, который стал проявлять к ней большое внимание. Звали его Леонид Черток. Вскоре он заявил Соне о своих серьезных намерениях и, как говорится, предложил ей руку и сердце. Отрекомендовался он сотрудником НКВД. Соня согласилась, но прежде чем пожениться, ей предстояло пройти своего рода "смотрины" – надо было, чтобы избранница Чертока пришлась по вкусу в доме грозного шефа НКВД пресловутого Генриха Ягоды. Черток, как выяснилось, был там своим человеком. При этом решающее значение имело мнение жены Ягоды Иды Леонтьевны. "Смотрины" прошли благополучно – хорошенькая, острая на язык Соня понравилась высокопоставленным супругам. Таким образом, женившись на сестре моей жены, Леонид Черток стал моим родственником...

За короткое время наша милая скромная Соня превратилась в самоуверенную светскую даму – она теперь вращалась в обществе высоких чинов, "элиты" НКВД. Молодые супруги, осененные благоволением самого Ягоды, получили большую комфортабельную квартиру в огромном жилом доме НКВД на Кузнецком мосту. Мы с женой там бывали, зааживал туда и старший брат Сони – Борис Волин, в ту пору начальник Главлита. Мы мало что знали о служебной деятельности Чертока и, естественно, о ней не расспрашивали. Новый родственник воспринимался нами как ниспосланный судьбой общительный и гостеприимный человек, хотя между собой мы частенько посмеивались над его грубоватостью и плоскими шутками.

Черток вскоре счел целесообразным, чтобы его жена была сотрудником НКВД, и ему, несомненно, не стоило большого труда устроить ее в ЭКУ (экономическое управление) этого учреждения. Теперь свой летний отпуск Соня проводила на престижных дачах, иногда милостиво приглашая туда пожить своего племянника, сына старшей сестры.

Но шло время, и над благополучием супругов Черток стали сгущаться зловещие тучи, а вскоре грянула и гроза. Это было связано с тем, что пришел конец высокому положению их покровителя, Генриха Ягоды. В достопамятном тридцать седьмом году глава НКВД утратил благосклонность Сталина, очевидно, потому, что, по мнению Хозяина, он слишком много знал, в частности об обстоятельствах убийства Кирова, а также был "уличен" в связях с Бухариным и Рыковым. На руководство НКВД Сталин назначил Ежова, первой задачей которого являлась "чистка" аппарата НКВД от людей, близких к Ягоде. Попали за решетку оба его заместителя, Агранов и Прокофьев, начальники управлений и отделов, следователи, наконец, и сам Ягода.

В дом Леонида и Сони Черток пришла зловещая тревога. Бывая в эти дни у старшей сестры, Соня рассказывала, как Леня в совершенно невменяемом состоянии мечется по квартире, повторяя, как в бреду:

– Вот тебе и "железный Генрих Ягода"...Вот тебе "сталинский нарком"...

Возвращаясь домой со службы, Черток с ужасом рассказывал, как он встречает в коридорах своих обросших бородами вчерашних товарищей по работе, которых под конвоем ведут на допрос. И понимает, что в самое ближайшее время это ожидает его самого.

Мы слушали перепуганную плачущую Соню и по-человечески ее жалели. Хотя уже кое-что знали о деятельности работы самого Чертока. Тетя Лиза (родственница моей жены и Сони) была знакома с Чертоками, они как-то даже были у нее в гостях. И так случилось, что муж ее, инженер-путеец, был арестован среди тысяч других ни в чем неповинных людей, но через три месяца его выпустили. И он рассказал, что его следователем был не кто иной, как Леонид Черток, который на первом же допросе стал нещадно бить его по физиономии, а он, совершенно ошеломленный, только бессмысленно повторял: "Леня, что вы делаете? Леня, что вы делаете?.." Но это только усиливало следовательскую ярость Чертока. Все это тетя Лиза поведала нам под большим секретом.

За Чертоком вскоре пришли, вопреки обыкновению не ночью, а утром, когда он собирался на службу. Услышав звонок, Соня спокойно открыла дверь. Черток увидел сумрачные лица своих коллег-чекистов, ринулся к двери на балкон, рванул ее и выбросился на улицу с восьмого этажа. Пришедшие чекисты в растерянности

ретиrowались, а через несколько минут примчался один из высших чинов НКВД комкор Фриновский.

– В чем дело? – допытывался он у Сони. – Почему он это сделал? Ему было что-то известно?

Между прочим, сам Фриновский через несколько дней был арестован. И, как рассказывали, покончил самоубийством в своей камере, с разбегу раздробив себе голову о батарею центрального отопления.

Поступок Чертока, как это, может быть, ни странно, был довольно редким в ту страшную пору. Не покончил с собой ни сам Ягода, ни оба его заместителя, ни десятки других ответственных работников аппарата НКВД, хотя все отлично знали, какая участь их ждет, и шли на заклятие покорно, как овцы.

Забегая на несколько месяцев вперед, я вспоминаю, как мне довелось присутствовать на процессе "правотроцкистского блока", где на скамье подсудимых сидел в числе других Генрих Ягода. И помню, как главный обвинитель, Вышинский, патетически спрашивал одного из обвиняемых, врача Казакова:

– Почему же вы, когда Ягода потребовал от вас помочь "убрать" сына Максима Горького, почему же вы не пришли, куда следует, и не сообщили об этом?

– Гражданин прокурор! – ответил не без некоторой иронии Казаков. – О чем вы говорите? Как я мог это сделать? ЭТОТ Ягода (он кивнул в сторону понуро сидящего Генриха Григорьевича) и ТОТ Ягода – это две большие разницы! ТОТ Ягода был всемогущ, вездесущ и всеведущ. Он моментально стер бы меня в порошок.

Я слышал и последнее слово Генриха Ягоды. Подсудимый полностью признавал все предъявленные ему обвинения, раскаивался в совершенных им, а также приписываемых ему преступлениях и молил сохранить ему жизнь. Видимо, предполагая (возможно, и правильно), что все происходящее на процессе слушает по специальному проводу сам Сталин, Ягода плачущим голосом говорил:

– Пусть через решетку тюрьмы, но я хотел бы своими глазами видеть, как под гениальным руководством товарища Сталина растет и ширится строительство социализма в нашей стране!..

Конечно, этот жалкий лепет был мало похож на прыжок Леонида Чертока с восьмого этажа, что, вероятно, произвело некоторое впечатление на новое, ежовское начальство НКВД. И, скорее всего, этим можно объяснить, что Соню сразу не тронули, как жен других арестованных чекистов. Она же, быстро собравшись, уехала с двухлетней дочкой "с глаз долой" из Москвы и тем, надо полагать, избежала ареста.

...На какое-то время происшествие с Чертоком стало предметом разговоров и пересудов, но скоро было забыто – появилось много более значительных событий...

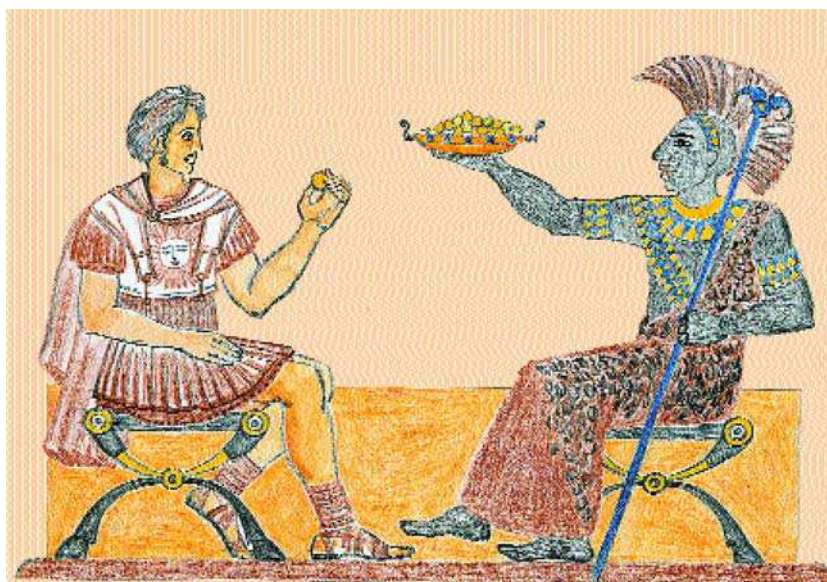
И я повторяю вопрос, вынесенный в заголовок этого очерка: а надо ли, вообще, об этом вспоминать? И отвечаю на него так: поскольку, оглядываясь в прошлое, мы вспоминаем и хорошие, и плохие времена, хорошие и плохие события, хороших и плохих людей, постольку можно вспомнить и Леонида Чертока. Он, безусловно, был человеком, вернее, "продуктом" своего времени, незабываемого, жестокого, страшного.

Сол Беллоу

Слово "Агода" происходит от ивритского глагола "игид" – рассказывать, пересказывать. Агода – это главная часть книги раввинских историй. Словарь Вебстера дает ей следующее определение:

"Коллективная неофициальная часть раввинской литературы, которая истолковывает, излагает Священное писание таким образом, что главным становится не текст, а работа мысли, порождаемая им".

Г-СПОДИ, ПОМОГИ ЛЮДЯМ И ЗВЕРЯМ ТВОИМ*

Во время одного из своих походов Александр Македонский добрался до отдаленного африканского племени, которое тихо и мирно обитало в своих хижинах и ничего не ведало ни о войне, ни о знаменитом завоевателе. Местные жители отвели императора к вождю племени, и тот радушно принял гостя. В качестве угощения хозяин поставил на стол золотые финики и фиги, слиток золота.

– В этой стране едят золото? – удивился Александр.

– Я положил тебе золото, чтобы ты смог купить себе поесть в своей стране, – объяснил вождь. – А теперь скажи, зачем ты к нам пожаловал.

– Меня сюда привело не твое золото, – сказал Александр, – а желание познакомиться с тем, как вы живете, с вашими обычаями.

– Пусть так, – согласился вождь, – присоединяйся к нам и живи столько, сколько захочешь.

К концу беседы в хижину вошли два человека: они пришли в суд, который здесь же и располагался. Вождь племени был и верховным судьей.

Один из пришедших, истец, рассказал, что купил у другого участок земли, а когда копал оросительную канаву, нашел в земле клад.

– Он не может мне принадлежать, потому что я заключал сделку только на покупку земли, – заявил истец. – Ни о каком сокровище речи не было, а бывший владелец земли отказывается взять клад себе.

Ответчик в свою очередь пояснил:

– У меня, как и у каждого гражданина, есть совесть. Я продал истцу участок земли со всеми правами на нее и, следовательно, правом на клад.

Вождь племени, он же судья, повторил вслух заявление истца и возражения ответчика, спросил у них, правильно ли он понял существо спора, потом, немного подумав, задал вопрос первому:

– Друг, у тебя есть сын?

– Да.

– А у тебя есть дочь? – обратился он с вопросом к другой стороне.

– Есть.

– Тогда пусть ваши дети поженятся, и клад станет для них вашим свадебным подарком.

Александр Македонский был совершенно сбит с толку услышанным.

– Тебе кажется, что я решил неправильно? – поинтересовался вождь.

– Нет, – ответил Александр, – но твое решение меня сильно удивило.

– А каким бы оно было в твоей стране?

– Честно говоря, – сказал Александр, – мы бы их обоих отправили в тюрьму, а сокровище отдали в пользу короля.

– В пользу короля?! – воскликнул вождь. – А в твоей стране солнце светит?

– Да...

– А дожди идут?

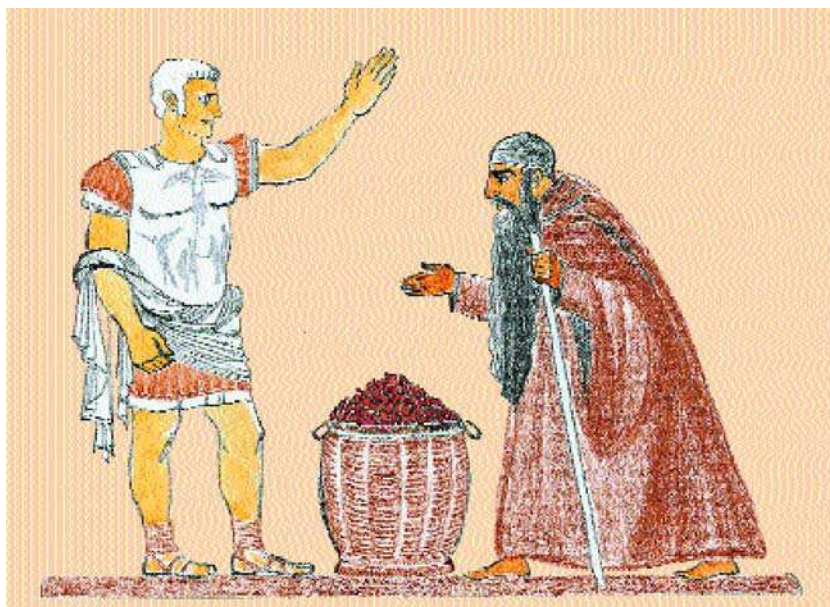
– Конечно!..

– Удивительно! А есть ли в твоей стране животные, которые питаются зеленой травкой?

– Очень много и самые разные.

– Ну, тогда, по-видимому, в этом и кроется причина, – догадался вождь. – Для этих безвинных животных по воле Всевышнего и сияет солнце и идут дожди, а жители твоей страны не заслуживают Б-жьего благословения.

АДРИАН И СТАРЫЙ САДОВНИК

Однажды император Адриан, проезжая мимо Тиберии, увидел очень пожилого человека, который копал Землю, чтобы посадить в ней фиговые деревья.

– Если бы ты хорошо трудился на заре своей жизни, тебе бы не пришлось так тяжело работать сейчас, в конце дней твоих, – обратился император к старику.

– Я хорошо трудился в дни моей молодости и не перестану трудиться в конце дней моих. И Г-сподь рассудит меня, – возразил старик.

– Сколько ж тебе лет, добрый человек?

– Сто лет.

– Что? – воскликнул Адриан, – тебе сто лет, а ты все еще сажаешь деревья? И надеешься насладиться плодами своего труда?

– Надеюсь. Если на то будет Б-жья воля, я еще успею вкусить плодов от каждого дерева, если не успею – это сделают мои дети. Разве наши праотцы не сажали деревьев для нас, и разве не должны мы делать это для своих детей?

Ответ старика понравился Адриану, и он попросил его:

– Ну, если тебе доведется увидеть плоды на этих деревьях, дай мне знать. Да, дай мне знать.

Человек этот жил долго, и ему довелось увидеть плоды с выросших деревьев, получить с них хороший урожай. Собрав самые лучшие фрукты, он наполнил ими корзину и отправился к императору. Случилось так, что Адриан посмотрел в окно и увидел у ворот своего дворца сгорбленного старика с корзиной на спине. Император приказал пропустить его к себе и, когда старик явился, спросил, зачем он пришел.

– Я хочу напомнить тебе, как однажды ты встретил старого человека, сажавшего деревья. Ты сказал ему тогда, чтобы он, если доживет до того времени, когда деревья начнут плодоносить, поставил тебя в известность. Я – тот самый человек, а вот плоды с тех деревьев. Может быть, ты великодушно согласишься принять этот скромный подарок в знак уважения к твоей великой снисходительности ко мне?

Адриан был приятно удивлен и обрадован, узнав старика, усадил его, приказал своим слугам взять у него корзину с фруктами и наполнить ее золотом. Придворные льстецы, свидетели этой сцены, не удержались от вопроса:

– Почему великий император оказывает такие почести жалкому еврею?

– Почему я не должен оказывать ему почести, если их ему оказывает Сам Всевышний? Посмотрите на его возраст и попытайтесь сделать то, что сделал он.

Император тепло попрощался со стариком, и тот, очень довольный, в прекрасном настроении, отправился домой. В своей деревне он показал соседям, как наградил его император. Все были весьма удивлены, а одна соседка, глупая и завистливая женщина, увидев, какое богатство можно получить за корзину фиг, подумала, что император очень любит эти фрукты. Она поспешила к себе домой и обрушилась на своего мужа:

– Несчастный, что ты все сидишь дома? Разве ты не слышал, что император любит фиги? Отнеси их ему, и ты станешь богатым, как наш сосед.

Не желая выслушивать упреки от своей жены, простодушный муж наполнил большой мешок фигами, взвалил его на плечи и отправился в путь. Усталый от долгого путешествия, он появился у ворот дворца и попросил, чтобы его пропустили к императору: известно, что тот любит фиги, и он принес ему их полный мешок, за что надеется получить хорошее вознаграждение. Глупость, смешанная с дерзостью, вызвала лишь улыбку на лице императора, которому доложили о приходе этого человека.

– Да, я хорошо его вознагражу, – сказал он дежурному офицеру и распорядился: – Пусть остается там, где стоит, и всякий, кто будет проходить через ворота, пусть возьмет из мешка фигу и бросит ему в лицо. И так, пока все фиги не закончатся. Тогда отпустите его домой.

Приказ императора был тут же приведен в исполнение. Несчастный человек, уже и не мечтавший о золоте, осмеянный, побитый, молился лишь об одном – скорее увидеть дно мешка. Подавленный и печальный, он отправился домой. Тем временем дома его жена думала о том, как ей потратить неожиданное богатство, сколько новых платьев и украшений она сможет купить. В ожидании мужа женщина наслаждалась мыслью, какой она будет красивой, когда оденется в шелка и золото, как ей будут завидовать соседки. Увидев мужа с пустым мешком, жена решила, что золото у него в карманах. Не дав бедняге даже перевести дух, она спросила, повезло ли ему.

– Потерпи, – ответил ей разгневанный муж, – потерпи немного, и я все расскажу тебе. Мне повезло вдвойне. Первой моей большой удачей было то, что я принес императору фиги, а не персики, а то бы меня забили до смерти. Вторая моя удача – то, что фиги были спелые, иначе бы мне вышибли мозги.

Ἰ ἀθάτῃ Ἰ. Νεὶ ἀείτῃ

** Ὅτ' ὁ ἐπὶ τῶν φηγῶν ἀπέπεσε τὸ ἀγαθὸν ἐς Ἀἴαν.*

ЕВРЕЙСКОЕ СЧАСТЬЕ

Àðàààé Èààéò

Когда читаешь Владимира Орлова, в сознании возникает образ автора – неистошимого весельчака и юмориста. Однако при случайной встрече с ним я увидел нечто противоположное – человека мрачного, больного, с трудом передвигавшегося. Его вышедшую в Днепропетровске книгу "Еврейское счастье" быстро раскупили.

– Орлов – это сила! – говорили днепропетровцы. –

Что ни слово, то снайперский выстрел!

Впрочем, не только в Днепропетровске – высокую оценку поэту дали в Артеке, где пионеры распевали бодрые, веселые песни на его слова, и под Мурманском, где он читал школьникам свои новые стихи, и в Москве, и в Новосибирске...

Многим, вероятно, довелось видеть добрый мультик "Цветное молоко", в основу которого положено одно из стихотворений Орлова, читать его веселую книгу "Прочтите взрослым", смотреть орловские пьесы в кукольных театрах СССР и СНГ, слушать передачи "С добрым утром", привлекавшие остроумными миниатюрами поэта, наслаждаться песнями на его слова в исполнении Валентины Толкуновой.

А его яркие смешные выступления в "Лит

ературной газете", где фигурировала вымышленная, но тем не менее знаменитая личность шутника Евгения Сазонова, над созданием которой немало потрудились и острое перо Орлова.

Были у Орлова и "крамольные" произведения. В дни подавления Пражской весны советскими танками в Чехословакии (август 1968 года) он написал для "Литературки" эпиграмму: «"Мы все друзья, и все мы братья", – сказал Удав, раскрыв объятя». Эпиграмма пошла в номер. Когда главный редактор с опозданием обнаружил "опасную крамолу", он схватился за голову. Удалось уничтожить только часть тиража.

Многие сатирические произведения поэта решительно отвергались редакциями. Внешность его тоже не всегда благоприятно воспринималась редакторами-юдофобами. "Стихи ваши хороши, но нам не подходят"... По этому поводу поэт с печальной иронией писал: "С годами я мучительно старею, хирею, пропадаю ни за грош. Я стал похож на старого еврея, а был на молодого я похож".

Но почему исконная русская фамилия Орлов? Псевдоним? Нет, фамилия подлинная. Ее поэт унаследовал от отца, а тот – от своего деда-кантониста, получившего за солдатское усердие участок земли в Крыму и в придачу – громкозвучную фамилию своего полкового командира. Земледелие пришлось старому солдату по душе.

Обладая феноменальной способностью "смотреть в корень" и рифмовать на ходу, Орлов нередко веселил своих товарищей неожиданными и довольно смешными репликами.

Однажды в дружеском кругу, наслаждаясь арбузом, он вдруг спросил:

– Какая примечательная особенность арбуза?

– Сладкий, – ответил один.

– Бывает и кислый, – парировал Орлов.

– Сочный, – сказал другой.

– Бывает и жесткий.

– Какая же? – допытывались.

– Все просто: у арбуза – всюду пузо.

– А ведь верно! – восхищались друзья. – Юморист, мудрец, настоящий тебе Спиноза!

– Всем юдофобам в задницу заноза, – прибавил Орлов.

Афоризм об арбузе стал крылатым, как и многие миниатюры Орлова. Читайте, улыбайтесь на здоровье.

ТРЕТИЙ

Í îäðàñò àèè ó öàöÿ

Òðè ñîí èà-áíñò ùöÿ:

Í áí ò äèé è Í èéí äèì,

Òðàò èé - áíññ áúé Ðóàèì .

Ááüü èç ò ðáö áíñò ùöé

Êòí-òí äíèæáí áúòü áððé.

Ááíá í ùò, áäÿò, öðáíÿò,

Òðàò èé - áíññ áéí íáò.

ПОКУДА

Í èéòí ñáÿ, í ááðíí,

Í á íññèò

Çà í áúà-è ðí äèí ù ñí áé.

Çà áññ áððé, í íéóúà æèòü

â í áé áóúúò

Áúúú í äèí - äèí ñò áúí úé

áúúé.

ОБЕЩАНИЕ ЧЕРНОСОТЕНЦА

Í ðè äüò ñ: äñò èè ääý í í ðà:

Áúúé áóúóò á Èçòäèéá -

È ðí áí í á ø äñò ú: äñ á óò ðà

Ó í äñ í äñò óí èò èç í äèüüá!

ПОСЛЕ ИСХОДА

Ó æ èò äèéé í á: äèüü úð

Ñí ðí ñèèè éäé - ò í ðàç:

- Í ó, éäé ó ääñ í í ðí äèüü í

Ñ áäðäýí è ñé: äñ?

È ñüàçó æ á í á: äèüü úé

Óñèú ø äèè í ò áüò:

- Ñ áäðäýí è í í ðí äèüü í,

À ááç áäðäáá í àò!

НА ГАСТРОЛИ

È ñò àðíé í üüüü - óäñò ääý

áí èí áí üü

È è ðáí äü, éí ò í ðí é í àò

çàááí üý,

Èç Í í ñéäí óáäè "Áýäý

Ááíý",

Á Óäèü-Áäè á í ðè áüäè

"Áýäý Ááíý".

ΚΟΝΣΠΙΡΑΤΟΡ

N̄:èò àèñŷ̄ ááðí îî îáááí í úî

è ÷ èñò úî,

Í è á ÷ àì áèáñòŷì è

í á î îáîçðáááî ùé,

Í î áúë á áóóá î ò áàæ í úî

ñè î í è ñò î î -

È ðáñèíèíèñŷ̄ èèøü á Èçðáèèá

Ì ú çí ááî

Èáèèá á N̄N̄ND òíçŷ̄ááá, ì ú

çí áèè, -

Ì ú ðŷáîî ñí è ì è ì ðíæ è èè

ññ é ááé.

Í î, ñèááá Á-áñ, áñò ü ó í áñ

Èçðáèèü

Ááá ò àé æ á áñèññ î áúø è ò

÷ áè î ááé!

ТУТ И ТАМ

Óóò ì è ì ò ì áñ áñ ðè è è í á

Áðí í á-

Ì î è î î ì è ì ò ì é ò ðáŷŷáá

è ññ è ááò,

Á ò à ì î í á ì ññ á ì ŷ̄ áñ á ðŷ̄ò:

"Áðí í á ò ì á é ò ðáó

è í á ì ðí á!"

В ЧЕМ СУТЬ

Qäë Äàîëëüñ ò ìñéíé ñàîáþ

Ðàííèì óòðì à òèèéíá

"Ááé æéáîá - ñíáñé

Ðàîáþ!" -

Í ðí: è ò äë ìí í à ñòáí á

Ó ñòáí ù ñòíÿë ìí ò è òí,

Ääðáóñí ðàñí ðàæé è è è òí

È ñéàçäë, áí è è äÿ á ñòòè

- Ñí, íí, íí! Í áðæé æéáòòí!

ГОСПОДАМ МАКАШЕВЫМ

Äðæ äááí ì ñò ù è í áí áæè ñò ù

á è þ äÿ ò í ì ñ ä

Í á æ ä è ò á á í à ðí ä ä æ ä è í í ù ò

ðí ñò è í á;

× áí í áí ù æ á á ñò ð á í á

ì ñò à à ò ñÿ á ä ä ä ä

Ò àí áí è ù æ á ñò à í í æ è ò ñÿ

í í áí ò á ð ä ä ä

В КОММУНИСТИЧЕСКОМ РАЮ

Æ è ä ò Á ò è ì ñí ò è í é í ú é,

è æ í í é í é í è é,

Ä ä á í ñ: è ò äÿ ð ä áí ÿ ò ì ñò:

Ñ ä ð æ è ò æ ä æ ç ð

è í ð è áí í è é,

È ä áí ä á í à ò í à áí í è ñ é ó ä ç á ò.

ПОД ОБЩЕЙ КРЫШЕЙ

Í îä îáùàé èðúσáé

Í ááîîáîáî,

Áðáæáîé îáîáð çí àì áí èò ù,

Æèáò ñ à îáò à ááà í àðîáà:

Áááè è áí òèîáî èò ù.

ПРИЯТЕЛЬ

Í ðèÿòáèü Õèì à í èéîáîá

Í á áðáò,

È çà í îñ í èéîáîá ì áíÿ

Í á áîáèò:

Í îááùàè ì ðèéò è -

áîáîá ì ðèááò!

Í á îááùàè, à áîñ ðááî î

ì ðèðîáèò!

ФАРШИРОВАННАЯ РЫБА

Í ðèçááá í à îîî îùü øóòéó

è øèùáéó

È æáí îéóð óáí òàçèð îáîð,

Ááðáéè à îáèò ì áèáí üéîð

ðúáéîé

Í î÷òè áîáîò à íáéîðì èò ù

îáî üð.

ОЧЕНЬ ЖАЛЬ

Áúááò î÷áí üæàèü áé-áîáî

È î÷áí üááîò í î, ÷ò î ì íéà

Í à ãîãÿò æáí ùèí á ñèí àããð

Áëÿ íáððáí ùÿ ÿçúèà

СТАРЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Áíæíá í ù í áíÿáí ñÿ,

ñò àðáÿ -

Èèöà ãñá í á-æüü æé

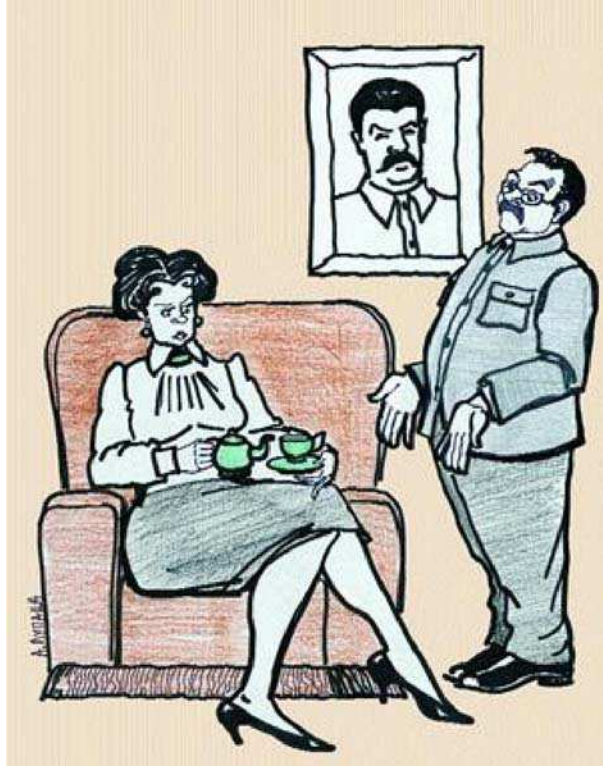
è ãíáððáí

Í à í îèð æãçàðð áí ò èíáí è ò

Ñòæè í îïíæ í à ñò àðíã ãððáÿ.

ОБРЕЗАНИЕ

Be'at Eit'at'ee

Была ранняя светлая осень. Я брел по Тверскому бульвару и без всякой на то причины заглянул во дворик Литературного института. Еще зеленели липы с редкими подпалинами вокруг памятника Герцена. Я присел на садовую скамью и подставил лицо прощальному теплу солнца. Экое блаженство, смежив веки, наслаждаться покоем и ни о чем не думать. Былое и явь облачно сливались, и в их мареве стал незрим мне тот молоденький офицер, что, словно мой двойник, на исходе войны, опираясь на костыли, вошел в этот роняющий листву дворик.

Нет, наверно, я все-таки преувеличиваю, что ни одна мысль в те усыпляющие минуты не посетила меня. Кажется, я подумал о том, что незаконнорожденный сын русского барина Ивана Алексеевича Яковлева и немки из Вюртемберга Луизы Гагг получил вымышленную фамилию с явным намеком на пылкую внебрачную любовь родителей, ибо “Herz” в переводе с немецкого означает “сердце”.

И еще я, вроде бы, вспомнил, что Наталья Гончарова — сверстница Александра Герцена училась в танцклассах Иогеля по ту сторону бульвара. Там и увидел ее впервые Пушкин. А если уж о чем подумаешь, обязательно одно событие начнет цепляться за другое. И не могу с точностью утверждать, было то или нет, но будто снизошел тогда с книжной полки на колени мои академический герценовский трехтомник 30-х годов “Былое и думы” с проникновенным предисловием Льва Каменева, вскоре расстрелянного...

И вдруг я услышал:

— Здравствуйте!

Передо мной стоял долговязый парень по фамилии Марговский. Года два тому назад он прислал мне свои стихи из Минска, а приехав на учебу в первопрестольную, навестил меня. Новоявленный был чем-то озабочен.

— Як живешь, хлопец?

Он вздохнул:

— Уезжаю в Израиль. Туда уже переселились родители мои. Я даже обрезание сделал.

В слове “сострадание” первый слог звучит как сигнал бедствия – SOS, но словно бес дернул меня за язык:

— Лучше поздно, чем никогда. А почему, позволь спросить, ты это сделал здесь, а не на нашей исторической родине?

— Там дороже.

— Извини, — устыдился я, — желаю тебе счастья...

Встреча с Марговским напомнила мне одну забавную историю. Известно, что Сталин чуть ли не первым, в сорок восьмом году признал Израиль, возрожденный как государство через два тысячелетия. В каждую уважаемую страну другие державы, сопредельные и дальние, направляют не только дипломатов, торговых представителей, журналистов, но и ... шпионов. Одни из них совмещают эту засекреченную роль с официальными благопристойными ипостасями, другие едут только в качестве тайных соглядатаев. И вот в Землю Обетованную, обещанную Б-гом избранному Им народу, отправлялся “наш человек”.

Я не стану разглашать его имени и отчества, да это и не суть важно. Назовем его по старинке N.N. Был он прирожденный русак, но в чертах его лица проглядывало что-то семитское. Таких среди православных некогда имелось достаточно, да и теперь они не редкость. Для примера далеко ходить не надо. Толки на этот счет, помню, вызывало обличье таких писателей, как Валентин Катаев, Константин Симонов и Михаил Зощенко, хоть к еврейству они отношения не имели.

Ехал бы N.N. с подложным паспортом и вымышленным именем в страны скандинавские или, что еще больше в масть, к сербам или болгарам, никакой бы телесной проблемы не возникало. А тут имелась загвоздка, ведь ехал он в Израиль под видом еврея-отказника, чья душа не выдержала нетерпимости, разгулявшейся в советском пределе. А раз выдавал он себя за потомка праотца Авраама, то, подобно ему, должен был ниже чрева нести особую печать союза с Б-гом. Правда, если честно говорить, N.N. не знал, что патриарх Авраам, сын Тераха, продавца идолов, после откровения свыше сделал сам себе обрезание кремниевым ножом в знак вечного единства между Израилем и Б-гом.

Выходило, что N.N. должен был сделать обрезание. По иудейскому закону делают его младенцам на восьмой день от роду. И даже сам Христос и все апостолы были обрезаны в этом нежном возрасте. Еще надо вам сказать, что жена у N.N. была

русская. И, когда он известил супругу о предстоящей ему операции, она, получившая в любовных связях интернациональное воспитание, отреагировала спокойно, даже безразлично:

— Подумаешь, какая невидаль... Чище будешь.

Призвание требует жертв. N.N. был направлен в специальный хирургический стационар на пару дней, и, чтобы формально оправдать операцию, в его истории болезни значился фальшивый диагноз: “фимоз”. Доктор, принимавший N.N., был полукровок, чьи материнские гены явно превалировали над отцовскими, потому что имел он некое сходство с бердичевским ребе. Между прочим, о числе таких метисов в стране, помнится, мне рассказывал младший брат Семена Липкина Миша. Он, математик, в ту пору работал в ЦСУ (Центральное статистическое управление). Однажды их державная контора получила задание из ЦК КПСС подсчитать, сколько в отечестве отпрысков от смешанных браков между евреями и православными. Цифра получилась огромная. Когда доложили заказчикам, те схватились за голову и приказали исполнителям задания держать язык за зубами, а данные засекретить. Я тогда написал стихотворение, которое начиналось так:

Í äëà äóüî-ëà-æàëééà:

Ó ëþääé, èàé ó ëþääé, —

Ôî èè î àì à èóüäéèà,

Ôî èè î àì à èóüäé.

Эскулап, надо полагать, дал клятву не только Гиппократу, но и присягу кой-кому, тем не менее держал он себя вольно и не был лишен юмора:

— Значит, будем делать “брит”?

— Как вы сказали?

— Я сказал “брит”. Это не от слова “бритва” и на иврите означает “обрезание”. А тот, кто этот обряд производит, именуется “моэл”. У евреев моэл делает обрезание при свидетелях, но мы, я думаю, обойдемся без них. И не огорчайтесь: в мире обрезанные мужчины подобны большевикам.

— Как изволите это понимать?

— Просто их больше. Кстати, когда-то в Древнем Египте обрезание делали только фараонам и придворной знати. Пусть это дарует вам мысль о вашей родovitости.

— Утешили.

— А что касается мусульман, то их начали обрезать еще до Магомета. Правда, в отроческом возрасте. Они с евреями сводные братья: у них один Б-г и один отец. Понять не могу, почему они враждуют. Может, вы мне скажете?

— В другой раз.

— В другой раз? Вы что, думаете, что крайняя плоть отрастает, как волосы?..

И уехал обрезанный N.N. со своей благоверной в Израиль, где во времена Понтия Пилата властно звучала медногорлая латынь римских завоевателей. Но Б-г не забыл обета, данного Аврааму. Язык библейских пророков воскрес там через двадцать веков на устах толпы. А великая латынь умерла как разговорный язык. Не зря написал Пушкин: “Латынь из моды вышла ныне...”

Как жил и что делал N.N. в этой загадочной стране, могу только догадываться. Да и пребывал он там недолго, потому что его интернационально воспитанная жена закрутила роман с одним необрезанным голландцем и улетела с ним на его родину, где бессмертно на темных полотнах изображал евреев Рембрандт. Начальство немедленно отозвало N.N. Возвратившись окольными путями, он стал служить не по призванию Его определили главным редактором известного московского издательства. И было времени угодно, чтобы я принес в него рукопись переводов Расула Гамзатова. Все стихи были одобрены, кроме одного, что имело название “Строки на рукописи, отосланной редактору”. Вот эти строки:

Пред обрезаньем мальчику хитро

Стремятся птичье показать перо:

— Вот режем чем, потрогать можешь пальчиком.

Берет перо редактор мой стальной

И начинает речь вести со мной,

Как перед обрезаньем с горским мальчиком.

Снял это стихотворение N. N.

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Прочитал в журнале "Лехаим" статью Галины Белоцерковской "Романс для скрипки с любовью", которая затронула мое сердце. Дело в том, что отец героя статьи скрипача Якова Кирснера и бабушка моего дедушки (Евгения Ароновича Брудзеля) были родными братом и сестрой, ее звали Эстер Кирснер, по мужу, Давиду Брудзелю, – Брудзель.

Евреи появились в Казани во второй половине XIX века. Это были в основном солдаты-кантонисты, или, как их тогда называли, николаевские солдаты. Еврейских мальчиков 13 лет и старше забирали в царскую армию, где они служили 25 лет, отделение детей от родителей стало частью плана ассимиляции еврейства. Казань находилась вне черты оседлости, селиться здесь могли только бывшие кантонисты и евреи, получившие специальное разрешение властей.

Первыми из евреев, поселившихся в Казани, были Кирснеры, Раздольские, Стам и Давид Брудзель, уроженец города Лиенау. Великолепный кларнетист и скрипач Давид Брудзель создал в Казани еврейский оркестр, с которым несколько раз выступал Федор Шаляпин, одну из песен исполнивший на идише.

Евреи добились разрешения на строительство синагоги в городе на улице, которая сейчас называется Профсоюзной. Синагога была построена на средства бывших кантонистов и еврейских меценатов, действовала она до конца 1929 года.

Евреи Казани участвовали в Великой Отечественной войне, уходили добровольцами на фронт, были представлены к самым высоким боевым наградам. Мой дедушка Евгений Аронович Брудзель, вечная ему память, прошел всю войну. Многие евреи Украины и Белоруссии, в основном старики, женщины и дети, во время войны оказались в Казани, некоторые остались здесь и после войны.

Второе дыхание еврейская община обрела в 1989 году, когда родилось казанское общество "Менора". В декабре 1996 года городские власти вернули общине здание синагоги. Есть у нас воскресная детская школа, благотворительная организация "Хесед", молодежный клуб, в котором проводятся репетиции вокально-инструментального ансамбля "Симха" и танцевальной студии "Кинор". В помещении синагоги разместился еврейский совет, здесь изучают иврит и Тору, работают театральные кружки, общество ветеранов и клуб знакомств. Каждую пятницу в синагоге собираются еврейские юноши и девушки, чтобы вместе с раввином встретить Субботу, торжественно отмечают у нас еврейские праздники. Летом раввин Ицхак Горелик при поддержке фонда "Ор Авнер" организует в окрестностях Казани лагерь отдыха для еврейских детей. Прошлым летом еврейская молодежь провела восстановительные работы на старейшем городском еврейском кладбище.

У общины Казани много планов. Дай Б-г, чтобы все они успешно осуществились.

Возвращаясь к рассказу о скрипаче Якове Кирснере, хочу отметить, что мой дедушка Евгений Брудзель и моя мама Аделаида Брудзель были дружны с Яшей, неоднократно встречались. Мой дедушка был блестящим кларнетистом, мама – виолончелистка и педагог, я – трубач. В Казани жили сестры Якова Кирснера Сима и Михля, последняя сейчас живет в Израиле. Мы с ними также были хорошо знакомы, особенно мой дедушка и бабушка Сара Брудзель. У нас дома хранится старинная фотография Эстер Кирснер и Давида Брудзеля, у них было много детей. От них свою родословную ведет ваш покорный слуга

Àðí Áðáçàèü Èàçàí ü

1 АПРЕЛЯ

135 лет со дня смерти оперной певицы (драматическое сопрано), для которой были написаны партии Дездемоны ("Отелло" Россини), Нормы и Анны Болейн (одноименные оперы соответственно Беллини и Доницетти), Амины ("Норма" Беллини), **Джудитты Пасты** (урожд. Негри; 1797, Саронно, Италия – 1865, Блевио, Италия).

35 лет со дня смерти основательницы косметической промышленности США, благотворительницы, автора своей биографии "Жизнь ради красоты" **Хелены Рубинштейн** (1872, Краков – 1965, Нью-Йорк).

4 АПРЕЛЯ

65 лет со дня рождения физикохимика, академика РАН, директора НИИ физической и органической химии при Ростовском университете, автора трудов по физической и органической химии (теории направленного синтеза и кинетики внутримолекулярных перегруппировок органических соединений), лауреата Государственной премии СССР **Владимира Исааковича Минкина** (р. 1935, Ростов-на-Дону).

6 АПРЕЛЯ

85 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по ядерной и нейтронной физике, предложившего метод поляризации нейтронов, один из методов нейтронографии, метод измерения магнитных моментов нейтронных резонансов, исследователя обнаруженных им

ультрахолодных нейтронов, одного из создателей импульсного реактора на быстрых нейтронах, лауреата Государственной премии СССР **Федора Львовича Шапиро** (1915, Витебск – 1973, Москва).

7 АПРЕЛЯ

85 лет со дня рождения теплофизика, члена-корреспондента РАН, действительного члена Международной академии астронавтики в Париже, автора трудов по теории радиации и радиационного конвективного теплообмена, кинетике низкотемпературной плазмы **Леона Михайловича Бибермана** (1915, Поти – 1998, Москва).

120 лет со дня рождения математика, статистика и экономиста, профессора, одного из создателей теории случайных функций **Евгения Евгеньевича Слуцкого** (1880, село Новое Ярославской губ. – 1948, Москва).

8 АПРЕЛЯ

50 лет со дня смерти юриста, верховного судьи Новой Зеландии, члена Комитета юристов ООН сэра **Майкла Майерса** (1873–1950, Мотуека, Новая Зеландия).

35 лет со дня смерти ученого в области горного дела, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по проходке шахтных стволов бурением, лауреата Государственной премии СССР **Григория Ильича Маньковского** (1897, Бронницы Московской губ. – 1965, Москва).

65 лет со дня смерти издателя, владельца газеты "Нью-Йорк Таймс" **Адольфа Саймона Окса** (1858, Цинциннати, США – 1935, Чаттануга, США).

9 АПРЕЛЯ

15 лет со дня смерти физика, академика АН СССР, Героя Социалистического Труда, автора трудов по физике диэлектриков и полупроводников, квантовой электронике, открывшего и исследовавшего сегнетоэлектрические свойства титаната бария, одного из создателей полупроводниковых лазеров, лауреата двух Государственных премий СССР **Бенциона Моисеевича Вула** (1903, Белая Церковь – 1985, Москва).

75 лет со дня рождения скульптора, графика, поэта и эссеиста, члена Шведской Королевской АН, Нью-Йоркской академии искусств и наук, автора серии гравюр и рисунков к произведениям Ф.М. Достоевского, скульптур "Кентавр", "Каменные слезы", монументальной работы "Древо жизни", надгробия на могиле Н.С. Хрущева, бронзового портрета Д. Д. Шостаковича и других произведений, лауреата Государственной премии РФ **Эрнста Иосифовича Неизвестного** (р. 1925, Свердловск).

105 лет со дня рождения актера, исполнителя ролей в фильмах "Будю, спасенный из воды", "Атланта", "Забавная драма", "Набережная туманов", "Конец дня", "Красота дьявола" (премия Мкф в Венеции), "Старик и ребенок" (премия Мкф в Западном Берлине) и др. **Мишеля Симона** (наст. имя Франсуа; 1895–1975).

110 лет со дня рождения скрипача, композитора, педагога, профессора, директора Музыкального института Кертис в Филадельфии, члена жюри 2–5-го международных конкурсов имени П.И. Чайковского в Москве, автора оперы "Ландара", музыкальной комедии "Нектар" и других произведений **Ефрема Александровича Цимбалиста** (1890, Ростов-на-Дону – 1985, Рино, США).

13 АПРЕЛЯ

25 лет со дня смерти антрополога, председателя Ассоциации социальных антропологов Британского содружества, автора трудов "Политика, закон и ритуал в племенном обществе", "Ритуалы восстания в Юго-Восточной Африке" и др. **Макса Глюкмана** (1911, Йоханнесбург – 1975, Иерусалим).

115 лет со дня рождения литературоведа и философа, действительного члена Венгерской АН, в 1919 году наркома по культурным делам Венгерской советской республики, министра правительства Имре Надя, профессора Будапештского университета, автора трудов "Теория романа", "История и классовое сознание" и др. **Дьёрдя Лукача** (1885–1971, Будапешт).

14 АПРЕЛЯ

65 лет со дня смерти математика, профессора Геттингенского университета, труды которой способствовали созданию общей или абстрактной алгебры, в 1918 году сформулировавшей фундаментальную теорему теоретической физики, названную ее именем, **Амали-Эмми Нётер** (1882, Эрланген, Германия – 1935, Брин-Мор, США).

75 лет со дня рождения актера, исполнителя ролей в фильмах "В порту", "Аль Капоне", "Доктор Живаго", "Ростовщик", "Душной южной ночью" (премия Оскар) и др. **Рода Стайгера** (р. 1925, Весттемптон, США).

15 АПРЕЛЯ

120 лет со дня рождения психолога, профессора Берлинского университета, одного из создателей и главного теоретика школы гештальтпсихологии, исследователя продуктивного мышления, автора книги "Экспериментальные исследования восприятия движения" **Макса Вертгеймера** (1880, Прага – 1943, Нью-Йорк).

16 АПРЕЛЯ

55 лет со дня гибели Героя Советского Союза старшего лейтенанта **Юрия (Юдея) Абрамовича Шандалова** (1923, Гомель – 1945, д. Грос-Нойендорф, Германия).

18 АПРЕЛЯ

60 лет со дня рождения генетика, автора трудов по механизму транспорта липидов и генетической регуляции холестерина обмена в организме животных и человека, лауреата Нобелевской премии по физиологии 1985 года (совм. с М.С. Брауном) **Джозефа-Леонарда Голдстайна** (р.1940, Самнир, США).

(13 Нисана) 425 лет со дня смерти еврейского законоучителя, главы Большой ешивы Цфата, автора кодекса галохических предписаний "Шулхан Орух", свода законов "Бейс Йосеф", комментария "Кесеф Мишна" к "Мишне Тора" Маймонида, методического труда к Талмуду "Клалей а-Талмуд", каббалистического труда "Магид мейшорим" **рабби Иосифа Каро** (1488, Толедо – 1575, Цфат).

55 лет со дня гибели Героя Советского Союза капитана **Натана Михайловича Полюсука** (1922, Ростов-на-Дону – 1945, безымянная высота в Германии, похоронен в Костшине, Польша).

125 лет со дня рождения композитора, руководителя музыкальной части и дирижера Московского художественного театра, автора музыки к его спектаклям "Смерть Тентажиля", "Синяя птица", "Драма жизни", "У жизни в лапах", "Жизнь человека", "Анатэма", "Гамлет", "Провинциалка" и др. **Ильи Александровича Саца** (1875, Чернобыль – 1912, Москва).

19 АПРЕЛЯ

55 лет со дня гибели Героя Советского Союза, повторившего подвиг Матросова, старшего лейтенанта **Иосифа Романовича Бумагина** (1907, Витебск – 1945, Бреслау).

22 АПРЕЛЯ

80 лет со дня рождения сценариста, поэта, переводчика, народного деятеля культуры Болгарии, автора сценариев фильмов "На маленьком острове", "Первый урок", "Где мы познакомились", "Йо-хо-хо", поэтических сборников "Дождь идет – солнце светит", "Сатирические поэмы" и др., лауреата Государственной премии Болгарии **Валери Петрова** (наст. имя и фамилия Нисим Меворах; р. 1920, София).

23 АПРЕЛЯ

10 лет со дня смерти актрисы, исполнительницы ролей в фильмах "Новые времена", "Великий диктатор" и др., жены в разное время Чарли Чаплина и Эриха-Марии Ремарка **Паульетты Годдард** (наст. фамилия Леви; 1911, Нью-Йорк – 1990, Швейцария).

25 АПРЕЛЯ

70 лет со дня рождения режиссера, продюсера, актера, постановщика фильмов "Боб и Кэрл и Тэд и Элис", "Алекс в стране чудес", "Влюбленный Блюм", "Вилли и Фил", "Москва на Гудзоне", "Вверх и вниз по Беверли Хиллз", "Враги: история любви" и др. **Пола Мазурского** (наст. имя Ирвин; р. 1930, США).

30 АПРЕЛЯ

55 лет со дня смерти Героя Советского Союза, полковника **Абрама Матвеевича Темника** (1907, Черниговка Бердянского уезда Таврической губ. – 1945, Берлин).

ИЦХОК-ЛЕЙБУШ ПЕРЕЦ

19/III 1851 - 3/IV 1915

Умер Перец... Эти два слова кажутся совершенно несовместимыми, невероятными. Перец, вечно юный, неустанно мятущийся, неизменно напряженный в своем безудержном порыве вперед – и смерть... Чем больше старел Перец, тем пышнее расцветал его огромный Б-жий дар, тем радужнее сверкали ослепительные молнии его фантазии, тем более молодел его дух. И вдруг его не стало, и над бездыханным трупом, над мертвым Перецом, приходится держать надгробное слово...

Не теперь, над свежей могилой и в торопливо набросанных строках, возможно обрисовать все значение Перца – о Перце и его творчестве нужно и будут писать целые книги... Не столько об огромной потере, постигшей еврейскую литературу, еврейское творчество хочется говорить теперь, сколько о постигшем н а с, еврейских интеллигентов, горе, о нашей собственной невосполнимой потере. Перец был не только большим художником, центральной фигурой нашей изящной литературы – он был живой символ наших исканий, победы его неутомимого духа были н а ш е й победой, этапы его творчества – этапы самопознания еврейской интеллигенции за последние три–четыре десятилетия.

Перец не был человеком определенной программы, строго установленной доктрины; он не был человеком великих дум, а великих откровений и прозрений. То, что смутно и неясно дрожало в смятенной душе еврейского интеллигента, вспыхивало ярким пламенем в огненной душе нашего художника и стало нашей путеводной звездой. Вечно горевший в экстазе вдохновения художник, он стал, сам того не ведая, нашим маяком, огненным столбом, освещавшим тернистый путь, по которому в муках подвигалась мятущаяся в своем одиночестве душа еврейской интеллигенции...

Пылкий, мятущийся дух Переца ищет новых форм, новых путей. Уже в поэме "Monisch" (первой еврейской поэме на разговорно-еврейском языке), относящейся к первому периоду творчества Переца, обличительно-реалистический элемент причудливо переплетается с фантастическо-романтическим. Шаг за шагом идет углубление дарования Переца, и постепенно преобладающим мотивом его творчества становится проблема личности.

Не быт, а полнота душевного мира личности, сложность и многообразие ее духовных переживаний стали центром внимания художника. В поэтических сказках и фантазиях Переца начинает все ярче проявляться его отвращение к будничным мелочам жизни, которые опустошают и обесценивают человеческую личность. Вместо гордой, выпрямленной личности, вместо ярких многоцветных красок поэт видит вокруг себя лишь кишашую жалкими, ничтожными пресмыкающимися "тину" ("Gemoisichts") или "мертвый город" ("Di toite Stodt"), где люди не умирают, не могут умереть, так как никогда не жили. Только среди обитателей "отделения для сумасшедших" ("In Fligel far Meschugoim") поэт находит смелых новаторов, беспокойных искателей новых путей. И лишь тот, кого все признают "безумным", мечтает у Переца о прекрасных "временах Мошиаха" ("Moschiah's Zeiten"). Даже многострадальному "Bonzja-Schweig", этому святому молчальнику, поэт не может простить, что ему, при его голубиной кротости, недостает чувства собственного достоинства, сознания своего величия...

Так постепенно в творчестве Переца обличительно-реалистический элемент отступает на задний план, все определеннее вырисовывается стремление к романтике и символизму. Мечтатель-романтик побеждает в Переце скептика-рационалиста, и саркастическую насмешку сменил мистический порыв к прекрасному неведомому, но смутно ощущаемому...

Прозревшего, чернокудрого "Monisch'a", сменил бледнолицый "больной мальчик" ("Dos kranke Jingel") с его неутомимой мечтой о том, чтобы "синагога поднялась ввысь, достигла бы небес; она должна стать выше, с золотым куполом и хрустальными окнами за то что она так унижена".

Мятущаяся душа, страдавшей "интеллигентским вывихом" и "болезнью сердца" ("kera sche'balew") еврейской интеллигенции, томилась по выпрямленной и живущей в полной гармонии с самой собою личности. В горниле своего творчества Перец претворил эти мучительные искания в благоуханные цветы подлинной поэзии. Томление по цельной, многогранной личности, по яркой многоцветной жизни преобразило Переца во вдохновенного певца мистического хасидского мира. То, к чему Перец в своем первом, обличительном периоде творчества относился с насмешкой пренебрежения, стало теперь для него, проникновенного и углубленного художника, светлым поэтическим маяком, символом всего возвышенно прекрасного. У Переца своеобразный, цельный в своей внутренней гармонии хасидский мир является не эмблемой великого прошлого, а поэтическим символом светлого грядущего, бурным протестом против существующего во имя желанного и должного.

Обидной оторванности еврейской личности от живой природы, оторванности, так тонко и образно описанной Перецом в его прелестном этюде "Oif a summer Woinung", художник противопоставляет (рассказ "Zwischen zwei Berg" и др.) певучую гармонию человека с внешним бессловесным миром, торжество проникновенной личности, одухотворяющей и расцветивающей своим внутренним светом окружающую природу. Власти мертвящей доктрины и окаменелостей прошлого ("Altwarg") над живой трепещущей жизнью Перец противопоставляет неукротимый порыв внутреннего экстаза

проникновенных и величавых в своей святой простоте "цадииков" из Белы и Немирова ("Oib nischt noch hecher").

Перец взял наиболее осмеянный предшествовавшим, утилитарно-разумным поколением типа аскета-"батлона", человека не от мира сего, человека, живущего в мире фантазмагорий и мистических грез, и сделал его героем одного из лучших своих шедевров – "Mekubolim", где с таким удивительным мастерством передано мистическое ощущение мира и его мелодии в трепетных тайниках человеческой души, сладостное томление по вечно Б-жественному, возвышающему человека над будничным и обыденным.

Перец пошел дальше. Он бесстрашно распинает свое прошлое, прошлое своего поколения. С болью в душе он в образе Лии, этого последнего звена "золотой цепи" (драма "Di goldene Keit"), живописует глубокую драму, пережитую его поколением; он выставляет напоказ опустошенность своего старого кумира, музу своей юности – "гаскалу". Триумфаторшей с заносчивой прямолинейностью выступает молодая Лия со своим гордым окриком: "Темная толпа, прочь с дороги! Пропустите людей знания, грядущих по пути к свету!.." И жестоко разочарованная, душевно надломленная, она возвращается затем в родной очаг. Бледные уста ее лепечут: "...klor is Schnei – un Schnei is kalt, Schnei toit!" И с воплем она бросается к отцу: "Не так, отец! Скажи: кается душа моя! Скажи, что я верую в Него, что я в прах лежу перед Ним и ноги Его слезами омываю!"

Но не в обличии старого кумира, не в покаянии надломленной интеллигентской души главное значение этого замечательного творения, где великая трагедия человеческого духа в его безудержном стремлении и к возвышенно прекрасному, облачена в столь колоритные национальные формы. Трагическая борьба между существующим и желанным, между "буднями" и "субботой" передана с таким захватывающим лиризмом в драме величавого, озаренного внутренним светом старого "цадика" Шлоймеле и его внучки, пленительно прекрасной в своем мистическом экстазе молодой Мирьям. Многие сцены этой лирической драмы, проникнутые жутким трепетом молитвенных настроений, относятся к наиболее поэтическим страницам всей новоеврейской литературы...

Как ни прекрасна хасидская эпопея Переца, она не является гранью, а лишь этапом в творчестве этого замечательного художника, неутомимый дух которого не признавал, казалось, никакой статики; он был весь в порыве, в напряженном стремлении от одних исканий к другим. Излюбленные герои хасидских легенд Переца, величавые цадиики–аристократы духа; они рожденные вожди, стоящие высоко над толпой. Художник идет дальше – к самой этой толпе; и этот дальнейший этап в его творчестве знаменует собою его "Volkstimliche Geschichten". Здесь дарование Переца достигает апогея своих возможностей. Неуравновешенный и беспокойно ищущий в творениях предыдущих периодов, Перец эпически спокоен в своих классических по художественной законченности "сказаниях", где поэт вступает в интимное общение с народным поэтическим творчеством и проникается его своеобразным ритмом. Молчаливого Бонцью-Швайг с его обидно ничтожными и мелкими помыслами сменили иные молчалники: величавые "немые души", вышедшие из низин народа, Сатья-рыбак и Авраам-Бас, чьи песни без слов приводят в молитвенный трепет небесных херувимов и укрощают гнев разъяренной морской стихии (сказания "Nissim oif'n Jam" и "Schema Issroel").

Из глубин народного духа поэт выносит громадный запас жизненной энергии и несокрушимой веры; и он творит прекрасную светлую легенду о цельных людях с могучей верой и волей, о "schabossdige jomtobdige, neschomojesserodige Liden"!

Проникновенный художник указал мятущейся душе еврейской интеллигенции спасительный путь. Его творческий подвиг так убедительно поучал нас, что при единении с кряжами народных масс – наступает конец рефлексиям, конец раздвоенности и жуткому одиночеству...

Он шел впереди нас, бодрый, сильный, вдохновенный. И вдруг его не стало, и вещий голос умолк навеки... На полуслове оборвалась дивная поэма; аккорд еще рыдает, а чудесная арфа уже лежит разбитой!..

Ń. ŐeíáαδŃ "Í íαíe ÁίμŃá",

1915, ¹ 12-13

ПОСЛЕДНИЕ МЕСЯЦЫ ЖИЗНИ ПЕРЕЦА

В моих ушах еще звучит его взволнованная, прерываемая паузами отчаяния речь. Я еще вижу эти большие, остановившиеся на страшной мысли, глаза. А теперь его уже нет и нужно вспоминать и рассказывать о том, как жил он в последние дни, как оборвалась эта дорогая для всех нас жизнь...

Если о писателе и творце незабвенных образов можно говорить так, как говорят о народном трибуне, умирающем на посту, то о Леоне Переце нужно сказать, что он покинул наш мир, оставаясь на посту до последней минуты, отдавая своему народу все помыслы, всю душу, всего себя без остатка: занимался серьезнейшими литературными работами, откликался трудом своим на новые запросы литературного характера, следил за последними событиями, пытался внести, насколько это было в его силах, организующее начало в хаос еврейской жизни в Варшаве, созывал совещания, говорил, работал, пока хватило сил.

Судьба уже давно послала нашему писателю одно испытание, которое много лет терзало его, а теперь, в эти тяжкие для польского еврейства дни, превратилось в орудие такой пытки, которой он не мог перенести и не перенес. Л. Перец свыше двадцати лет состоял на службе в варшавской гмине. Свыше двадцати лет он должен был наблюдать то, что творилось в самом отсталом, самом антинародном еврейском учреждении. Из дня в день, из года в год здесь шел развал еврейской общины, интересы всего польского еврейства здесь покупались и продавались, а он должен был все это молча и терпеливо наблюдать. Чуткая, впечатлительная душа поэта, воспринимавшая так тонко все нюансы еврейской психики, еврейского бытия, была постоянно в этой гминной гуще. Об этой дикой, несуразной драме хотелось ведь всегда говорить. Варшавская гмина с этою плеядою жалких эпигонов польской ассимиляции и среди них – Леон Перец!..

Началась война. Польша стала главным театром военных действий. Все и отовсюду устремилось в Варшаву. А вся Варшава устремилась в гмину. Здесь искали всего и ничего не находили. Наступила самая печальная полоса в жизни варшавской гмины. Малодушная трусость перед польской шляхтой, заносчивость по отношению к русско-еврейскому обществу, собственная беспомощность, столь же бесплодные, сколь и постыдные переговоры с поляками и т. д.

Выборы в польский парламент в еврейском районе Варшавы.

В течение почти десяти недель изо дня в день я встречался в это время в помещении гмины с Л. Перецом. Я был свидетелем самых тяжелых, мучительных его переживаний. Почти ежедневно он встречал меня одними и теми же словами:

– Что же это будет?.. Возьмитесь что-нибудь сделать... Пусть приедет кто-нибудь из Петрограда и наведет хоть какой-нибудь порядок...

Я указывал ему на все трудности, связанные с осуществлением его предложений, а он снова и снова говорил о грядущем ужасе, о полном развале гмины, возмущаясь попутно также шумной, суетливой работой сионистов:

– О, они хуже тех... Там хоть есть навык, а здесь только шум и, кроме того, упрямое нежелание привлечь кого бы то ни было к работе. Ведь в Варшаве есть масса хороших, полезных еврейских сил.

Эту мысль покойный писатель повторял без конца, и эта же мысль его, как мы увидим дальше, стала исходным началом для одного очень серьезного начинания, над которым покойный поработал немало.

Положение ухудшалось изо дня в день. Беженцы шли беспрестанно густою массой. Растерянный, беспомощный, он ко всем обращался, у всех искал ответа.

Хлынула самая большая волна. Свыше двадцати тысяч беженцев прибыли в два дня, загрозили и улице, где помещается гмина, и весь гминный двор. На этот двор выходило окно из комнаты, где работал Л. Перец. На этом дворе происходили сцены, помрачающие ум, леденящие кровь.

Явившись в гмину, я вошел к нему в комнату и тихо поздоровался. Он стоял у окна и смотрел на то, что происходило на дворе. Обернувшись, он ничего мне не ответил, подошел к столу и молча сел.

Я понял, что сегодня, как в дни нашего семидневного траура по покойнику – "Schiwo" – нельзя приветствовать хозяина при вступлении в комнату и при выходе из нее. Мы обменялись лишь несколькими словами в течение двух часов. От сильного

нервного потрясения у него разболелась нога и он ходил по комнате, тяжело прихрамывая...

В эти дни он все настойчивее стал говорить о необходимости организовать ту многочисленную еврейскую нейтральную массу, которая в настоящий момент, может быть, поймет смысл переживаемых польским еврейством событий и откажется от пассивной роли. Он доказывал, что по сравнению с разваливающейся в куски группой ассимиляторов, с одной стороны, и маленькой кучкой сионистов – с другой, эта нейтральная масса может явить собою большую свежую и здоровую общественную силу. Нужно создать сначала ядро из дельных и верных людей, нужно сгруппировать в этом ядре исключительно польских евреев, дабы не дать в самом начале повода к разговорам о "литвацком" вмешательстве, нужно взять людей, которые не захотят на спине польского еврея делать свою партийную политику, имевшую в виду совершенно другие цели, нужно выступить во вне с достоинством, но и с тактом, с сознанием ответственности, нужно помнить, что момент наступил слишком критический, решительный...

Л. Перец никогда не был общественным деятелем в собственном смысле. Он бурно выступал на публичных собраниях, в частности во время выборов в IV Государственную Думу, живо реагировал на все общественные явления и хорошо разбирался в их характере и их значении. Но он был слишком яркой и своеобразной индивидуальностью, чтобы согласовать свою импульсивную натуру с организационной дисциплиной, со всем укладом общественно-групповой жизни и работы.

И проект его организации оставался проектом.

Л. Перец был одинок в Варшаве. Он не имел для себя настоящей культурной еврейской среды. Он был одинок в гмине, но он был одинок и вне гмины, даже тогда, когда толпа рукоплескала, внимая каждому его слову. Он был одинок и в среде еврейской журналистики, которой, казалось бы, он был так близок, а на самом деле был от нее далек, очень далек. Он был старше многих годами, но при этом все же гораздо моложе молодых. В эти дни его одиночество было особенно мучительным, тяжелым. Хотелось работать, опрокинуть все преграды, облегчить страдания народа, – а кругом все было объято смятением и безнадежностью. Опускались руки...

Усталый, измученный, он ежедневно уходил из грязной Гржибовской в самый конец отдаленной и чистой Иерусалимской аллеи напротив Калишского вокзала и уединялся в своей милой, уютной квартире. Было тихо и грустно, и одиноко в этих комнатах, и только с большого портрета над письменным столом ласково и хорошо смотрел верный старый друг – Динезон. И, закрывая глаза, стряхивая с себя все тяжкие, мучительные переживания дня, он принимался за новый и новый просмотр своих последних больших литературных работ – переводы на разговорно-еврейский язык Экклезиаста и Руфи. С каким увлечением он отдавался этой работе до последних своих дней! Надо думать, что эти посмертные произведения Л. Перца станут скоро общим достоянием. Тогда все узнают, какие глубины мысли обнаружил покойный при переводе и новом толковании Экклезиаста, услышать чарующую мелодию Руфи...

Огромный труд затратил он на перевод и обработку Экклезиаста, десятки раз – около 60 раз – переписывал и переделывал, работая все с тем же усердием, увлечением.

– Надо вернуть нашему народу то, что ему принадлежит; – сказал он мне как-то, прочитав новые отрывки Экклезиаста, – ведь это продукт нашего национального творчества, а его хотят превратить в какую-то общую смесь.

Но от Экклезиаста он на следующий день снова попадал на Гржибовскую, снова глядел на это беспредельное море народного горя и снова замирал в тревоге. Атмосфера еврейской жизни в городе сгущалась. Пошли слухи о готовящемся новом выступлении политиканствующих ассимиляторов, о проекте новой декларации. Помню, почти одновременно мы получили из разных источников неопровержимые доказательства того, что слухи имеют под собою твердую почву, что не сегодня-завтра "это" может осуществиться. Он был потрясен, не в состоянии был говорить. Жаловался на сердце, на боль в ноге, мучительно стонал.

Часа через два он несколько оправился и попросил меня к себе для деловой беседы. В этот вечер он пригласил к себе некоторых деятелей и принялся за работу. Работая осторожно, в тесном кругу, он пытался создать вокруг себя хотя бы небольшую группу, не вынося еще этого дела на широкую улицу. Совещания, в которых он неизменно принимал самое деятельное участие и которые вначале созывались им самим или от его имени, носили исключительно деловой характер, были очень малолюдны и лишь постепенно расширялись. Он видел, что дело продвигается очень туго, что нужны хорошие организаторы, которых нет, но не отчаивался, работал, оставаясь в твердой уверенности, что его схема концентрации общественной энергии польского еврейства верна. Ему было тяжело от сознания, что при всем желании и, несмотря на горячее стремление, он сам не подходит для такой организаторской роли. Припоминаю, как мы возвращались с одного из организационных совещаний и он внезапно обратился ко мне с вопросом:

– Скажите мне правду, не сделал ли бы я больше, если бы сегодняшний вечер использовать для писания новеллы?

Конечно, правда была не в этом. Правда заключалась в том, что, не будучи общественным деятелем, не умея организовать и крепко спаять группу общественных деятелей, он, однако, был для большей части варшавского еврейства источником чистого национального духа, источником национального достоинства. Поэтому, не будучи организатором, он все-таки положил начало новой группе, которая при известных условиях может очень скоро дать себя почувствовать в варшавской еврейской жизни. Не будучи организатором, он все же легко группировал национальные элементы. А душою он весь стремился к этому, был весь проникнут этими стремлениями.

Таким я его видел и в последний раз, когда несколько недель тому назад простался с ним, покидая Варшаву.

Слева направо: Шолом Аш, И.-Л. Перец, Люциан Перец (сын писателя); лежит Довид Нонберг, основатель Народной партии, член парламента.

Он не увлекался своей последней общественной деятельностью до того, чтобы обрывать хотя бы на время свою писательскую деятельность. Наоборот, эта общественная деятельность сильно влияла на его литературную работу, именно такой работе он отдавался в последнее время, именно за такой работой его застигла смерть.

Еще месяца три тому назад покойный обратил внимание на то, что творят с детьми еврейских беженцев разного рода "благотетели" как из среды ассимиляторов, так и из среды сионистов. При мне к нему обратилась тогда группа молодых людей, которые решили устраивать очаги для бедных детей на материнском, разговорно-еврейском, языке и просили писателя помочь им литературным материалом. Л. Перец предоставил им пользоваться пока разными вещами из изданных уже произведений, сказал, что специально вопросом о детской литературе не интересовался до сих пор, но обещал подумать об этом. Прошло немного времени, и вопрос о положении детей беженцев обострился. А Перец уже собрал детскую литературу на немецком, польском и других языках и уже работал над составлением на еврейском языке детских сказок, песен и стихов. Обсуждал эти темы, беседовал с учителями, советовался с друзьями и работал, работал без устали.

Судьбе угодно было, чтобы на этой работе оборвалась жизнь Леона Переча. За составлением сказок и стихов для детей в утренний рабочий час его застигла смерть. Не

выдержало сердце последнего испытания. Детям бездомных беженцев, этим молодым росткам Странствующего Израиля, он отдал последние минуты своего творчества и вдохновения. Он всю жизнь был на посту и расстался с жизнью, оставаясь до последней минуты на посту. Великую утрату понес наш народ, но да будет нам утешением эта славная жизнь, отданная покойным своему народу, целиком без остатка. Еще много, много поколений, нынешних и грядущих, будет питать эта жизнь...

Â. Âðííí àí, "Í íáíé Âíííá",

1915, ¹ 12-13